

Н. Хрипков

Свет и тъма

Поэма о трех девицах

18+

Николай Иванович Хрипков

Свет и тьма, или

Поэма о трех девицах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70385383

SelfPub; 2024

Аннотация

Три деревенских девушки едут в город в поисках счастья. Вера, Надежда и Любовь. И здесь каждая из них найдет свою любовь. Только для двоих она закончится драматически, а вот Любви повезет. И все трое вернулось в родное село, где начнется у них другая жизнь.

Николай Хрипков

Свет и тьма, или

Поэма о трех девицах

ПРОЛОГ

Три девицы под окном
Засиделись допоздна.
Скучно очень жить в деревне.
Раз в неделю дискотека.
Да и там всё те же лица,
Что уже тошнит от них.
Грустно семечки шелкали
И плевались шелухой.
И порою звонко хлопнет
Кто-нибудь из них ладошкой
По щеке или по ляжке
И раздавит кровопийцу
Комара и скажет громко:
– Задолбала эта сволочь!
Нет совсем житься от них.

Мимо их прошли коровы.
Их бока за день раздулись,

Вымя молоком налилось.
И пастух-зломатершинник
На кобылке проскакал.
Но они его и взглядом
Удостаивать не стали.
Хоть пастух еще был молод,
Их не интересовал.
Западло с таким общаться.
Засмеют свои же девки.
Вдруг откуда ни возьмись,
Словно бы из-под земли,
Перед ними старичок
Седенький явился.
Был пониже он забора,
Нос картошкой, бороденка,
И соломенная шляпа,
И рубашка с пояском.
На ноги ему бы лапти
И совсем похож на деда,
Что художники рисуют
В книжках сказок для детей.
Громко прыснули девицы.
И откуда здесь он взялся?
Вроде бы таких в деревне
Не видали стариков.
Он девицам поклонился,

Улыбнулся и промолвил:
– Вечер добрый! Извините,
Что вмешался я в беседу.
Только очень интересно:
За кого хотите замуж
Выйти, красные девицы.
Уж скажите старику.
– А тебе какое дело? –
Говорит одна девица.
– Шел бы, старый, к своей бабке,
А не лез к нам, молодым.
Уж одной ногой в могиле,
А на девочек всё тянет?
– Вы читали в детстве сказки? –
Старичок спросил девиц.
– Я могу такую сказку
Провернуть сейчас для вас,
Потому что я волшебник.
Вы не верите, конечно.
Даже если и соврал я,
То от вас же не убудет.
Никакого нет здесь риска.
Ну, а вдруг случится чудо?

И глядит на них с улыбкой.
А глаза у старика,

Словно бы у молодого,
Так и светятся, играют,
Проникают прямо в душу.
Что-то, чувствуют девицы,
С ними странное творится.
Их сердца забились сильно,
Кровь горит, стучит в висках,
Будто бы не замухрышка
Старый, дряхлый перед ними,
А прекрасный принц заморский
Перед ними здесь стоит.
Меж собой переглянулись.
Щечки их залил румянец,
Даже глазки увлажнились,
Ручки, ножки затряслись.
И тогда сказала Надя:
– Мне богатого бы мужа,
Чтобы дом имел большой он
И, конечно, иномарку,
Чтоб на отдых за границу
Каждый год мы отправлялись,
Чтоб в салонах самых модных
Я бы делала прическу,
Маникюр и педикюр,
Чтоб ходили в рестораны,
Веселились до упаду

И подарки дорогие
Он дарил мне б каждый год,
Чтоб от зависти подруги
Почернели, словно сажа,
И шептались за спиною:
«Повезло же этой Надьке»,
Чтоб я денег не считала,
Их швыряла, будто мусор,
Одевалась бы не с рынка,
Шили б платья по заказу,
Чтобы личного шофера
Я имела. А работа
У меня одна была бы –
Мужа тешить, улаживать.
Быть богатой очень славно,
Это счастье быть богатой.
Жить в столице как царица.
А в деревню очень редко
Раз в три года приезжать.
Привезти своим подарки,
Показаться деревенским,
Чтобы ахали: «Ну, Надька!
Ну, девчонке повезло!»
И на «бэнтли» по деревне
Прокатиться, разгоняя
Кур и уток. А на утро

Снова в город укатить.
А вторую звали Верой.
Словно плоская доска.
Грудь едва обрисовалась,
Ноги тонкие, как спички.
Так что платье или джинсы,
Всё болтается на ней.
И лицом она не вышла:
Узкий длинный нос и губы,
Словно тоненькие нитки.
Волос жидкий, цвета пепла.
Шейка длинная. В деревне
Называли Веру воблой.
Вера не комплексовала
И считала, что найдется
Рыцарь, что ее полюбит.
А иначе жить не стоит.
Такова природа женщин.
Без любви они не могут.
И последней замухрышке
Запретить мечтать нельзя
Вера радостно вздохнула.
Улыбнулась и сказала:
– Я хочу, чтоб знаменитым
Был мужчина у меня.
Может быть, певец известный

Или чтоб снимался в фильмах
Или же спортсмен, чья слава
Год за годом бы гремела.
Даже пусть телеведущий.
Только очень популярный,
Вроде Вовы Соловьева.
Муж мне нужен знаменитый,
Чтоб меня лучами славы
Согревало его имя,
Так, как солнце греет землю.
Я бы очень им гордилась.
За моей спиной шептались:
«Это ведь жена такого!
Как ей сильно повезло!»
Ну, а зависть? Что мне зависть?
Пусть злоречат за спиною.
Это же вполне нормально.
Где ж на всех набраться славы.
Это же удел отдельных!
Вот каким я вижу счастье.
Вот хочу какого мужа!
И другого мне не надо.
Лучше старой девой буду,
Чем с каким-то трактористом
Или скотником сойдуся.
Ах!

И вновь вздохнула Вера.
– Как хочу я быть счастливой.
Вам хочу я тоже счастье.
Вы мне лучшие подруги.
Любочка была всех ниже.
Круглолица, словно солнце.
Губки бантиком. А щечки
Алым пламенем горят.
Нрава легкого, простого.
Голос звонкий, но негромкий.
Ни о ком дурного слова
Никогда не говорила.
Ничего не пожалеет.
Если просят, не откажет.
И поэтому в деревне
Очень Любочку любили.
Старичок к ней повернулся.
– Очередь твоя настала.
Что желаешь ты, девица,
Не стесняйся, говори!

Улыбнулась, поглядела
На своих она подружек.
Те ей тоже улыбнулись.
– Ну, чего ты? Говори!

– Одного хочу. Любви я.
Чтобы мне такой попался,
Чтоб его любила сильно,
Чтобы он любил меня.
Остальное же неважно.
Кто он будет, безразлично,
Бедный или же богатый,
Из деревни, городской ли,
Толстый или же худой.
И конечно же, детишек
Вместе с милым воспитать.
Счастье – это если любишь,
Если жить отдать готова
За родного человека,
Если только им живешь.
И на край земли без страха
Ты за ним пойдешь. Такого
Я хочу найти супруга.

Только прыснули подружки.
– Ну, и дура ты, Любаша.
Хоть любовь важна, конечно,
Только ей сыта не будешь.
И потом. Любовь уходит,
Угасает постепенно.
Верить же в любовь до гроба –

Это глупо же. Поверь!
Лишь безмозглые девчонки
О любви мечтают вечной.
Ну, а жизнь, давно известно,
Переменчива весьма.
Он тебя сегодня любит,
Завтра повстречал другую
И за нею приударил,
О тебе же позабыл.
На земле живи, подруга,
Не витай, как птица, в небе.
На бобах остаться можешь
Со своей любовью вечной.
– Ну, и пусть! – сказала Люба.
– Замуж без любви не выйду.
Я один расчет приемлю:
Или любишь, или нет.
– Что втолкуешь малахольной?
Ничего! Дойдет, но поздно.
А судьбу свою ломаешь,
Будешь локоток кусать.
– Может, буду. Я не спорю.
Но иначе не смогу я.
Вы меня не осуждайте.
Уж такой я родилась.
– Родилась она... Смотрите!

Несусветная дуреха!
Ты советы наши слушай
И тогда не пропадешь.

Вдруг подруги оглянулись.
Старичка-то рядом нету!

Глава первая

НАДЯ

Раньше всех встают доярки
И шагают к магазину,
На крыльце сидят и Юрку
Бортового ждут они.

Наконец пришла машина.

Лезут, словно альпинисты,

Сильно тужась и кряхтя.

– Все собрались? – крикнет Юра.

– Все.

Ветврач сидит в кабине.

И поедут к летней дойке,

Что стоит у темной речки.

Знает каждая доярка

Всех своих коров. Привяжет,

Вымя им водой подмоет

И подключит аппарат.

После дойки на машине
Не смолкают разговоры.
И пока домой приедут,
Сплетни все переберут.
Через слово матерятся,
Как сапожники, нисколько
Не стесняясь. Что такого?
Здесь же бабы все свои.
– Что ты, Надя, приуныла,
В растудыт твою туды?
Может, щупать перестали?
Залетела, может быть?

Так они захохотали
И друг друга бьют по спинам,
И икают, и плюются,
Что машина затряслась.
Но шофер не испугался.
Он видал и не такое.
И взорвись граната рядом,
Бровью даже не повел бы.
Кто с доярками работал,
Тот душою закалился.
И ему тогда не страшен
Ни шайтан, ни гром небесный.

Будь на то моя бы воля,
Я бы всех силовиков
Отправлял бы в коллективы
К нашим доблестным дояркам.
Через месяц получили б
Закаленных духом, крепких,
Настоящих мужиков.
Всех горластей – это Люська.
«Баба-гром» – так говорится
Про таких. Любому глотку,
Если спорит с ней, заткнет.
Голос зычный, грубый, хриплый,
Как труба Иерихона.
Рявкнет, стены затрясутся.
И похожа на медведя.
Руки сильные, а ноги –
Два столба. Под зад коленом,
Если даст она кому-то,
Улетит, как мяч футбольный.
Всех на свете проклиняет,
А себя же всех сильнее.
По две пачки ежедневно
Смолит. Водку пьет как конь.
Выпьет разом две бутылки,
Ни в одном глазу, трезва.
Мужики ее боятся.

«Люся! Люся!» И ни слова
Поперек сказать не смеют.
Муж ее алкаш был добрый,
Пил неделями запойно,
Допивался до горячки
И чертей гонял по дому.
Люся хватъ его в охапку,
На кровать его положит
И слегка прижмет коленом.
Он лежит себе, не пикнет...
И сказала Люся Наде,
А точнее, проревела:
– Ох, и дура ты, Надежда!
На хрена тебе деревня!
На кой черт тебе коровы!
(Через слово мат у Люси).
Вот была бы молодую,
Убежала бы отсюда
На край света, к черту в лапы.
Ничего здесь не найдешь!
За копейку здесь ломаться,
Ковыряться век в навозе!
Кроме этого навоза,
Не увидеть ничего.
И парней нормальных нету.
Кто умнее, тот уехал,

Лишь одни бомжи остались,
Пьяницы и дураки.
Уезжай отсюда, Надька!
Вот тебе совет мой добрый.
Уезжай отсюда в город!
Здесь ты, девка, пропадешь.

Валька рыжая сказала:
– Ждут нас в городе! Смотрите!
С пирогами да блинами!
Прямо жить без нас не могут.
И Тамарка-горлопанка
В разговор, конечно, встряла;
– Ну, ты в городе попробуй
Где-нибудь найди работу.
Там давно уж всё заняли.
Если разве что по благу.
Ну, а так лишь в проститутки
Путь один у наших девок

Люська зыркнула сердито
И белугой завопила:
– Да уж лучше в проститутки,
Чем в деревне колотиться.
Ты их, дур, не слушай, Надька!

Да бросай ты эту ферму,
Уезжай отсюда, девка
Может, счастье и найдется.

Кто решится спорить с Люськой?
Всё равно не переспоришь,
А здоровье очень даже
В споре можешь потерять.

Дома Надя долго мылась,
Бигуди потом крутила.
Платье новое надела,
Что купила год назад.
Подвела помадой губки,
Туфли белые обула,
Перед зеркалом крутнулась
И пошла из дома прочь.
– Ты куда? – ей мать вдогонку.
– Ты смотри не загуляйся!
Если вечером на дойку
Опоздаешь, шуму будет!
– Да пошли вы с этой дойкой!

И рукой махнула Надя.
И шагает по деревне,
Гордо голову задрав.

Вот она зашла в контору,
На второй этаж поднялась
И в приемную заходит.
С удивленьем секретарша
Поглядела на нее.
«Ишь, сидит какая мымра!
В чистоте, в тепле, в уюте.
Знает клацает по кнопкам
И глядит на монитор.
Ну, и чем ее я хуже?
Да ничем ее не хуже.
Да пошли они все в баню!»
И к директору зашла.
– Заявленье! Увольняюсь!
Уезжаю из деревни.
– И куда ты уезжаешь?
– В город. Буду там учиться.

Глава вторая

ВЕРА

День и ночь туда-сюда
Елозишь со шваброю,
Моешь классы, коридор,
Драишь стены, окна,
А еще стирать и гладить
Шторы и халаты.

На каникулах ремонт:
То белить, то красить.
Ну, а детский туалет –
Это просто ужас.
Кто-то мимо унитаза
Обязательно нагадит.
Летом клумбы поливать,
Травку и кустарники
И полоть. А в праздники
Топай на дежурство.
Вот такая у техничек
Легкая работа.
А скажи, что ты техничка,
Будут сразу презирать.
Это, мол, для самых глупых,
Кто не смог учиться даже,
Специальность не имеет.
В общем, самый низший класс.

Вера сразу после школы
Документы разослала.
Только троек было много,
В вуз по баллам не прошла...
Пьют в технической технички
Чай с конфетками. Ведут
Разговор неторопливый.

Сплетни все они обсудят
И героев мелодрамы.
Катя – вроде как начальник
Среди техничек. Всех горластей,
Энергичней и подвижней.
Старшеклассники боятся
В пререканья с ней вступать.
Смотрит с жалостью на Веру.
– Ну, чего нашла ты в школе?
Ты до пенсии собралась
С тряпкой-то не расставаться,
За другими грязь ворочать?
Это нам уж, перестаркам,
Никуда теперь не деться.
Бабками уже мы стали.
Что про нас и речь вести?
Ну, а ты чего здесь гнешься,
За гроши ломаешь спину?
И парней здесь нет нормальных,
Алкаши одни остались.
Ой, бросай ты это дело!
Уезжай ты, девка, в город!
Там профессию получишь,
Жениха себе найдешь.
Повезет с нормальным парнем,
Словно сыр, кататься в масле

Будешь. Радоваться жизни!
Будешь жить, как человек.
А чего в деревне этой?
Огород, корова, пьянки,
Зуботычины от мужа
И зарплата курам на смех.
Да была б я помоложе,
Да была я незамужней,
Дня бы жить я здесь не стала,
А пешком ушла бы в город,
Чтобы там искать судьбу.
Сколько девок – ты же знаешь –
Там устроились прилично.
И квартира, и работа.
И навоз мешать не надо.
Вон Галинка прошлым летом
Приезжала к нам в деревню
На машине, с новым мужем,
Шмотки новые на ней.
И духами она пахнет,
И помада дорогая,
А не та, что за копейки
Покупаем мы в сельпо.
Ты уж, Верка, пожелтела,
Ты дугой уже согнулась,
Ходишь, словно бы старуха,

Лишь платок надеть осталось.
Ты ж сама себя хоронишь.
Что ты делаешь, девчонка?
Уезжай-ка ты отсюда!
Умоляю я тебя!

И тогда сказала Шура,
Конопатая блондинка:
– Вот я в городе пожила.
И чего? Назад вернулась.
Сколько можно по квартирам
Мне туда-сюда мотаться.
Что сумеешь заработать –
Половину за жильё.
Ну, а здесь своя квартира,
Молочко свое и мясо,
И засолки с огорода,
И варенье, и грибки.
Разве б в городе жила так?
Доширак да суп с консервой.
Мне, девчата, как хотите,
И в деревне хорошо.
Где родился, пригодился.
Что ж туда-сюда мотаться.
Ну, а Галку все мы знаем,
Ей бы только прихвастнуть.

Иномарке лет уж двадцать.
Муж похож на лягушонка.
А духи она, быть может,
По дешевке достает.
– Тьфу ты! – выругалась Катя.
– Что мозги девчонке пудрить?
С этих лет пойти в технички –
Это счастье для девчонки?
Да ее соплюхи в школе
Человеком не считают.
И смеются за спиною,
Как над дурочкой, над ней.
Никого не слушай. Верка!
Уезжай быстрее отсюда!
И чем раньше ты уедешь

только лучше для тебя!

Люба!

Глава третья

ЛЮБА

Ах ты, Люба, Люба. Люба,
До чего ж ты хороша!
Словно звездочки, сверкают
Твои ясные глаза!
Косу длинную распустишь,
Словно волны, по плечам
Твои волосы струятся.
Взгляд не можешь оторвать!
А когда ты улыбнешься,
У любого на душе
Станет радостно, как будто
Ангел перед ним стоит.
Люди грубого словечка
Не слышали от тебя.
И при встрече ты любому
Улыбаешься всегда.
Школу кончила отлично.
Даже золотой медалью
Наградить тебя хотели,
Только кончился лимит.
И медаль другому дали
Сыну главного банкира.
Аттестат нарисовали,
Где стоят одни пятерки.

В Академию госслужбы
Взяли сразу на бюджет
Хоть ЕГЭ у нас боятся,
Люба набрала сто баллов.
Но учиться предложили
На коммерческой основе.
– Нету мест у нас бюджетных, -
Ей в приемной объяснили.
– Много льготников, сироты,
Те, кто из семей военных.
Или из народов малых.

А откуда взять ей деньги?
Мать у Любы – инвалидка.
В школе учится братишка.
И отец ушел от них.
И не платит алиментов.
Да и не с чего платить.
Что получит, пропивает.
В основном же без работы,
У любовницы на шее
Этот самый паразит.
И назад вернулась Люба.
Посидела месяц дома.
Поработать почтальоном
Предложили. Согласилась.

Хоть работы той немного,
Но копейки получаешь,
И работать почтальоном
Не заманишь калачом.
Но зато почти свободна.
Книжки разные читает
И учебники для вуза,
Те, что в городе купила.
Только есть тут заковыка:
Пилит мать ее и пилит
День за днем без перерыва.
Хоть из дома убегай!
– И чего ты, Люба, хочешь?
Ты зачем сюда вернулась?
Молодежь стремится в город.
Ты из города – сюда.
Что увидишь ты в деревне?
Что в деревне ты получишь?
Мужа-пьяницу? Хозяйство?
Чтоб оно огнем сгорело!
Пропадешь ты здесь задаром!
На меня б хоть поглядела!
Вот, считай, что жизнь прожила,
И ни дня счастливой жизни.
Здесь угробила здоровье
Я на ферме. И чего?

Получила благодарность?
Или же озолотилась?
Как собаке кость бросают,
Так мне бросили копейки.
И живи на них, как хочешь.
Никому ты не нужна.
Папа ваш, кобель проклятый,
С инвалидкой жить не хочет.
Наплодил вас – и в сторонку,
И к молодке под бочок.
Ты себе такого ж хочешь?
Ну, тогда живи в деревне!
Дуракам закон не писан.
Повторяй мою судьбу.
Ох, какая же ты дура!

А порою мать заплачет:
– Ах, зачем меня родили?
На мученья? На страданья?
Словно проклятая я.
Наложила я бы руки.
Только это грех великий.
Да еще вот вы довески.
Как оставлю вас одних?
Пропадете же, сиротки.

И завоет, как волчица.
Невозможно успокоить.
Убегай тогда из дома,
Чтобы не сойти с ума.
Вот такая жизнь у Любы.
Тут другая бы сломалась,
Очерствела бы душою,
Затаила б злость на всех.
Только Люба не менялась.
И была она такой же,
И приветливой, и доброй,
Словно всё у ней прекрасно.
Не пожалуется Люба,
О беде своей не скажет.
Улыбается, смеется.
Не известно никому,
Что в душе ее творится.
«Мать права, – она решила.
– Если буду жить в деревне,
Не смогу ничем помочь им.
Надо в город уезжать!»
Как-то вечером, вернувшись,
Села Люба возле мамы
И погладив мамы руку
Говорит:
– Я уезжаю.

Глава четвертая

НАДЯ

За окном поля мелькают,
Деревушки и леса.
Словно смотрит телевизор,
Развалившись в мягком кресле.
По асфальту мягко шины
Шелестят. Летит автобус.

И увозит нашу Надю.
В неизвестность. К новой жизни.
Ей, конечно, страшновато.
Только раз в далекий город
Выезжала с классом Надя.
Побывали в зоопарке,
В цирк тогда они сходили.
Очень Надю поразило
Многолюдье, шум, машины,
И еще, что горожане
Вроде бы не замечают,
Вроде, как пустое место,
Ты для этих горожан.
А в салоне, как в коляске,
Так укачивает мягко.
Кто-то спит, а молодые
Со смартфонами сидят.
Все с наушниками. Кто-то
Фотографии листает,
Кто играет, кто читает,
Чтобы время скоротать.
А у Нади телефончик
Кнопочный, дешевый. Стыдно
Доставать его – увидят,
Посмеются над тобой
«Ну, отстой!» Ах, укачало!

Задремала потихоньку.
Сон приснился. Будто Надя
В пышном платье во дворце.
Фрейлины и кавалеры,
Изумруды, бриллианты.
«Подойди ко мне, Надежда!» -
Слышит голос. Повернулась.
Видит трон она высокий.
А на троне принц прекрасный.
Надю пальцем подзывает.
Подошла она. Но вдруг
Превратился принц в Кощея

И над нею зло смеется,
Тянет руки и за горло
Хочет Надю он схватить.
Надя громко закричала.
– Что такое? Что случилось? –
Рядом женщина спросила.
– Может, что-нибудь болит?
– Нет! Спасибо! Всё нормально.
Сон приснился нехороший.

Глава пятая

ВЕРА

Со спортивной сумкой Вера

Поднялась. Ну, вот и всё!
Уезжает Вера в город.
Будет там искать судьбу.
И никто не провожает,

И не машет ей во след,
Не роняет слез горючих,
За вагоном не бежит.
«Не нужна ни здесь, ни там я.
Не поможет мне никто.
На себя одна надежда,» -

Горько думает она.
Вот ее купе. Заходит.
Никого. И хорошо.
Расстегнула сумку Вера.
Достает халат домашний,
Снедь. Поужинать позднее.
Ресторан не про нее.
Сумку ставит под сиденье.
Села. И глядит в окошко.
На перроне полицейский,
Руки держит за спиной.
Больше ни души не видно.
Вот вагон качнулся резко.
Громко лязгнуло железо.
Женский голос по перрону
Отправленье объявил.
«Вот и всё! – вздохнула Вера.
Так ей плохо. Чуть не плачет.
– Может, больше не увижу
Я своей родной деревни.
Почему несправедливо
Жизнь устроена. Не знаю.
Всё за ручку нас водили.
Ясли, детский садик, школа.
И кормили, и поили, и одежду покупали.
Научить всему старались,

Берегли от всех напастей,
И сюсюкали умильно,
И подарочки дарили.
Прыгали и веселились.
Ни забот и ни хлопот.
И вдруг резко! И вдруг сразу,
Будто ломоть отрезают.
И одна ты остаешься,
И живи теперь, как хочешь.
А нельзя ли постепенно,
Потихоньку, понемногу,
Приучали б к жизни взрослой,
Поправляли б что не так.
Ничего я не умею,
Ничего-то я не знаю.
Ох, наверно, пропаду я!
Это так бесчеловечно!
А быть может, ну, всё в баню!
И назад домой вернуться
К маме, к Жучке, к кошке Милке!
Лучше буду полумойка!
Не хочу я в этот город!
Пропади он пропадом!»
Подскочила резко Вера.

Подняла она сиденье.
Сумку на пол! Расстегнула.
Снедь, халат туда бросает.
Всё! Но тут открылись двери.
Перед ней стоит мужик
Лет под сорок, коренастый.
Морда во! Трясутся щеки,
Глазки у него блестят.
– Добрый день! Точнее вечер!

Ставит сумку на сиденье.
– Значит, вместе будем ехать.
Может, кто-нибудь еще
К нам подсядет. Но признаюсь,
Не люблю я многолюдья.
Ну, начнем располагаться.

Тут поплыл вокзал с перроном,
Паровоз на постаменте,
Переходка над путями.
До свиданья, Чернореченск!
– Что ж вы, девушка, стоите?
Кстати, я Сергей!

И руку

Он протягивает Вере.
Крепко сжал ее ладошку.
Улыбается.
– Я Вера.
– Вера – это очень славно!
Это очень хорошо!
Жить без веры невозможно.
Это я шучу, конечно.

Глава шестая

ЛЮБА

В скором времени узнала
Люба то, что их сосед
Дядя Толя едет в город
И везет свою жену
Он в больницу областную.
Люба вечером сходила
К ним.
– Конечно же, возьмем.
Веселей втроем в дороге.
– Ну, а сколько вы берете?
– Ну, давай за пятисотку!
Всё дешевле, чем автобус.

Собираться стала Люба.
Мать ей тоже помогает.

Пирожков пекут в дорогу
И одежду выбирают.
Поневее да поярче,
Всё же едет Люба в город.

Глава седьмая

НАДЯ

Горизонт горит огнем.
Надя глаз не оторвет.
До чего ж большой он город!
Это ж целый континент!
Стало Наде что-то страшно.
«Здесь же запросто пропасть.
Ой, зачем мне этот город?
Ну, зачем сюда я еду?
Не вернуться ли назад?»
Долго до автовокзала
Их автобус колесил
По широкой автостраде,
Где поток машин плывет.
Ужас! Даже пешеходов
Меньше, чем автомобилей.
Как живут здесь, непонятно.
Ох, и дура же она!
И заплакала бы Надя,
Но уже к автовокзалу

Подкатил большой автобус.
Всё! Приехали! Выходим!
Сходит Надя. Что ей делать?
Тетке же не позвонили.
Как теперь ей добираться?
Это ж город, не деревня.
В куртке кожаной мужчина
Подошел к ней, улыбнулся.
– Девушка! Куда вам надо?
Довезу за пять секунд!

Надя в сумочке порылась.
Вот она! Дает бумажку.
– Да! – сказал мужчина громко.
– Это очень далеко.
Это же в другом конце.
Где-то час езды примерно.
– Целый час? – вздохнула Надя.
– Может, даже выйдет больше,
Если в пробки попадем.
Ну, пойдёмте! Дайте сумку!

И шагает на стоянку,
Где стоит его «тойота».
Надя, словно на закланье,
Семенит за ним покорно.

Подошли к его машине,
Он кладет в багажник сумку,
Распахнул пред нею дверцу.
– Сильвупле, мадмуазель!

Тут, как будто током, Надю
Шибануло.

– Погодите!

Ну, а сколько за поездку
Заплатить я вам должна?

– Разберемся! Я не жадный.

Ну, чего же вы стоите?

Кстати, у меня музончик

Очень классный! Просто кайф!

– Нет!

Стоит на месте Надя.

– Всё-таки скажите, сколько?

А иначе я не сяду.

Улыбнулся ей шофер

– Далеко, конечно, ехать.

Но возьму я с вас немного.

Три рубля. Договорились?

– Три рубля?

Ушам не верит.
Да у них в райцентр автобус
Стоит семьдесят рублей.
– Вот даю вам пять!

Монетку
Протянула. Он опешил.
– Это где ж так научились
Вы шутить, мадмуазель?
– Вы же сами мне сказали
«Три рубля».

Он засмеялся.
– Сразу видно из деревни.
Тысяча рублем зовется.
– Что? Три тысячи?

И Надя
На асфальт чуть не присела.
– За три тысячи доярке
Надо целую неделю
Без отгулов отпахать.
– Понял! – говорит водила.
– Не дурак! Так что ж нам делать,
Право, даже и не знаю.
Вон, глядите, остановка,

Там садитесь на автобус.
Но потом две пересадки
Сделать вам еще придется.
Но часа за три – четыре,
Может быть, и доберетесь,
Если долго не придется
Ждать автобуса. Вот так!
– Ну, пойду на остановку!
Сумку-то мою достаньте!
– Да, конечно же! Пойдите!
У меня есть вариант.
Не возьму с вас ни копейки.
– Ой! – обрадовалась Надя.
– Ах, какой вы благородный!
Вот приехала и сразу
Мне хороший человек
Первым в городе попался.
А хотите банку сливок
Деревенских вам отдам?
– Сливки? – дядя усмехнулся.
– Это очень даже славно.
Как на счет другой природы,
Может быть, договоримся?
– Ну, могу грибочков банку.
А варенья не хотите?

Тут мужчина рассмеялся:
– Что ты дурочку-то корчишь?

Сделал жест, телодвижением
Показал, что натурально
Он желает получить.
– Что?

И Надя обомлела.
– Как вы смеете такое
Предлагать. Я что вам эта?
Я не эта! Дайте сумку!

Сумку вырвала из рук.
И шагает к остановке.
– Дура! – вслед ей донеслось.

Оказалось, что не надо
Никаких ей пересадок.
Через полчаса стояла
Надя перед нужным домом.
Вот второй подъезд. Подходит.
Двери дернула. Закрыто.
Постучала. Что такое?
Дверь никто не открывает.
Может быть, их дома нету?

Стоп! Квартир в подъезде много.
Почему же дверь закрыта?
Или на ночь запирают?
Надо снова постучать.
– Эй! Ну, кто-нибудь откройте!

И ногой стучит сильнее.
Дверь железная дрожит.
– Девушка! Вы что стучите?

Низенький мужчина рядом.
– Надо номер вам квартиры
Здесь набрать, нажать на В.

Ох, уж эти горожане!
Напридумывали столько!
И откуда деревенским
Знать премудрости такие?

Глава восьмая

ВЕРА

Как укачивает славно
Равномерный перестук!
Хорошо в вагоне спится,
Как в коляске малышу!
Вера к стенке отвернулась

И посапывает тихо.
Видит сон, как в жаркий полдень
Босиком бежит к реке.
Так легко! Сейчас, как птица,
Лишь взмахнет она руками
И взлетит над этим миром.
Впереди блеснула речка,
Крики детские несутся.
Вдруг запнулась и упала.
Подниматься Вера стала,
Но не может, что-то давит
Сверху сильно на нее.
Смрадный запах водки с салом.
Задохнуться просто можно.
Вера бьет ногами быстро,
Уперлась руками в тушу.
– Ты чудовище! Немедля
Отпусти меня! – кричит.

Рот ей плотно зажимает.
– Ну, чего кричишь ты, дура?
Это очень же приятно!
Хорошо тебе и мне.
Из себя не корчи целку!
Нынешних я девок знаю,
Школьницами начинают

Трахаться, что пыль столбом.

Понимает Вера: это
Никакой не сон, и папик,
Что в купе с ней вместе едет
Перебрался к ней на полку.
Предлагал вчера ей выпить,
Предлагал покушать вместе.
Выпил водки он бутылку,
Долго ел и чавкал громко,
А потом ушел. И Вера,
Джинсы сняв, халат надела
И, укрывшись простынею,
Задремала, не услышав
Возвращения соседа.
Ах, ты сволочь! Ах ты мерзость!
Он же потными руками
Больно груди ей сжимает,
Гладит бедра и живот
И халат ей задирает,
И сопит, как марафонец.
– Ну, чего сопротивляться?
Или это ты специально?
Завести меня сильнее?
Это даже хорошо!
Я люблю таких горячих.

Погоди! Сейчас достану!

И на миг ослабил хватку.
И откуда взялись силы?
Вера так его толкнула,
Что на пол свалился папик,
А она, вскочив, рванулась
И стучит, что силы, в дверь.
– Эй! Не надо! Это шутка.
Перестань стучать! Не надо!
Да не трону даже пальцем!
Только перестань стучать!

Дверь в сторонку отъезжает.
На пороге проводница.
Видит чудную картину,
На полу мужик лежит.
В майке и трусах семейных,
Красный, потный, водкой пахнет.
А девчонка вся трясется,
Слова вымолвить не может.
– Вижу я картину маслом! –
Усмехнулась проводница.
– Что, мужик, девчушек любишь?
Тааак! Полицию зовем!
Повезут тебя в другую

Сторону и долго-долго
Будешь солнышко в решетку
Из окошка наблюдать.
– погоди!

Мужик поднялся.
Весь трясется. Так напуган.
– Это... Ну, давай на пару
Мы с тобой поговорим!

Быстро брюки надевает.
– Говоришь, на пару что ли?
Я же взрослая девчонка.
Почему б не поболтать.

И ушли они. Вернулся
Через час мужчина хмурый.
Быстро вещи собирает
И ушел, не слова даже
Не сказал он на прощанье.

Глава девятая

ЛЮБА ЕДЕТ В ГОРОД

Ветра свист. Летит машина.
По асфальту шелестит.
Люба рядом с тетей Машей.

Дядя Толя за рулем.
Ездить он не может тихо.
Лишь заметит впереди
Он машину, непременно
Давит газ – и на обгон.
Любе даже страшновато.
Может всякое случиться:
Колесо, к примеру, может
Открутиться у машины
Или ямка на дороге,
Дядя Толя потеряет
Управление машиной
И слетит она в кювет.
А еще, она слыхала,
Тормоза порой откажут,
И ударится машина
Со всей скорости в другую.
Ой! Не надо даже думать,
Эти страшные картины
Представлять в воображенье –
Только душу отравлять.
– Это правильно, что, Люба,
Ехать в город ты решила, -
Говорит ей тетя Маша.
– Делать нечего в деревне.
Ох, настанет скоро время,

Что останутся в деревне
Старики да забулдыги,
Остальные все сбегут.
Прекратится производство,
Зарастут поля травой,
Не останется деревни,
Будут только города.
Будут к нам из-за границы
Привозить в страну продукты.
Там же всё на химикатах
Да на кормовых добавках.
Будут кушать эту гадость
И болезней будет больше,
И рожать уродов больше
Будут женщины тогда.
И болеть начнет Россия,
И слабеть, и распадаться.
Вот такая перспектива
Ожидает, Люба, нас.

Рассердился дядя Толя.
– Тьфу ты! Всё одно и то же.
Всё ты каркаешь, всё ноешь,
Всё-то у тебя не так.
Что теперь за бабы стали?
Никакого оптимизма!

Я вам так скажу, девчонки!
Надо вдаль смотреть с прищуром.
Удовольствие большое,
Очень дорого нам стоит
Этот самый пессимизм.
Если потеряешь веру,
То тогда любая сила
Нас легко сломать сумеет,
И конец придет стране.
И не всё в деревне плохо.
Гляньте, техника какая!
Если раньше бы сказали,
Не поверил бы в такое.

Глава десятая

НАДЯ У ТЕТКИ

Да, квартирка тети Зины –
Всё равно, что зал один
В их просторном сельском доме.
А живут они втроем.
Хоть с двоюродной сестрою
Люсей виделись лишь раз,
Та ничуть не изменилась,
Только вытянулась ввысь.
Нос как шнобель. Жидкий волос.
Как она, таких в деревне

«Плоскодонками» зовут.
Парни любят пышногрудых.
Чтоб в ладошку не вмещалась.
Так и тянут свои лапы
Ухватиться и помять.
Не обидела природа
Надю бюстом и всем прочим.
По сравнению с сестрою
Надя – просто Афродита.
Вроде рада тетя Зина,
Улыбается, смеется,
Спрашивает о знакомых,
Что да как да чем живут.
Ужин так себе, не очень.
Суп консервный. Макароны.
И невкусная котлета.
И без запаха чаек.
Вот в деревне, если гости
Приезжают, борщ наварят,
Парят, жарят. И спиртное
Обязательно на стол.
И сидят до полуночи,
Посмеются и поплачут,
Вспомнят прошлое, знакомых,
Поглядят альбом семейный.
Тут поужинали, сразу

Тетка мыть посуду стала.
Дядя Миша на диванчик
Телевизор поглядеть.
Люська села с ноутбуком,
А на Надю ноль вниманья.
Нет! Совсем другую встречу
Представляла себе Надя.
– Ой, давайте помогу вам
Мыть посуду? – предложила.
– Да чего тут мыть, Надежда?
Всё помыла я уже.

Руки вытерла и села,
И, вздохнув, спросила Надю:
– Значит, в город ты решила
Перебраться из деревни?
– Что в деревне этой делать?
Целый век коров доить?
Молодежь вся уезжает,
Женихов нормальных нету.
– Ну, а тут что хочешь делать?
– Ой! Хочу учиться я.
Получу теперь специальность
И устроюсь где-нибудь.
– Ну, понятно. Только надо
Подыскать тебе такое,

Чтобы дали общежитье
И стипендию платили.
Жизнь-то нынче дорогая,
Мать тебя учить не сможет.
Ладно. Что-нибудь такое
Мы подыщем для тебя.
– Ой, спасибо, тетя Зина!
Я же, видите вы сами,
Деревенская девчонка,
Здесь не знаю ничего.
Мама любит вас и хвалит,
Говорит: «Учись у тетки!
Видишь, стала городской,
Есть квартира, замуж вышла».

Тетка щеку подпирает
И качает головой.
– Ну, а кем бы ты хотела
Стать, учиться на кого?
– Я пока не знаю, тетя.
Только без образования
На хорошую работу
Не возьмут тебя нигде.

Спать легли. Не спится Наде.
Мысли разные тревожат.

Ну, а вдруг здесь станет хуже?
Всё другое. Непривычно.
Даже люди не такие.
Каждый сам собою занят.
Ни тебе не улыбнуться,
Не сказать приятных слов.
Нет, в деревне всё же проще.
Всё понятно, всё знакомо.
Знаешь всех, тебя все знают,
Даже кошки и собаки.
А с другого если боку
Посмотреть, чего в деревне?
Куры, овцы да коровы.
Парня не найдешь себе.
Ладно, буду я не первой
И, конечно, не последней.
Сколько наших деревенских
Перебрались в города!
И назад никто не едет.
Значит, всё-таки здесь лучше.
Поживешь, привыкнешь тоже,
Глянешь, в гору всё пойдет...
И себя такой надеждой
Успокоив, задремала.
И спала на новом месте
Крепко, словно после дойки.

Просыпалась Надя рано
И вскочить уже хотела,
Но прислушалась: движенья
Никакого в доме нет.
Вроде бы не воскресенье,
Что же спят они так долго,
Не боятся на работу
Дядя с тетей опоздать?
Люська к стенке отвернулась.
Ох! Худа она как палка.
Вот не повезло девчонке!
Кто ж возьмет такую замуж?
Тут услышала: из спальни
Кто-то вышел, хлопнул дверью
И журчанье раздаётся.
Наде даже стыдно стало.
И с открытыми глазами
Долго так лежала Надя.
Вот пожили бы в деревне,
Там вставали бы чуть свет.
Наконец-то слышит голос.
Дядя Миша с тетей Зиной
Говорят о чем-то тихо,
Ходят, воду льют, смеются.
А потом открылась дверь.

– Ну-ка, девочки, вставайте!

Подскочила сразу Надя.

Люська же не шевельнулась

– Просидит до полуночи

С ноутбуком наша Люська.

Ну, а утром не разбудишь, -

Тетя Зина говорит.

– Ну-ка, дочка просыпайся!

В школу надо собираться

Я пойду готовить завтрак.

Разбуди ее, Надюшка!

Надя потрясла сестренку.

Та мычит, не просыпаясь.

Потрясла ее сильнее.

– Ну, отстань! Я спать хочу.

– Люся! В школу опоздаешь.

– Надоела эта школа.

– Люся! Надо подниматься!

– Фу! Который час уже?

Поднялась, спустила ноги,

Потянулась и зевнула.

– Ой! Скорей бы воскресенье!

До обеда буду спать.

Сели завтракать. Глазунья.

Чай с печеньем. Тетя Зина

Говорит:

– Я позвонила,

До обеда отпросилась.

Значит так, поедем, Надя,

Мы сейчас с тобою в колледж.

Там строителей готовят,

Штукатуров, маляров.

Общежитье выделяют

И стипендию там платят.

Хоть и деньги небольшие,

Но зато бесплатно кормят,

Спецодежду выдают.

Поперхнулась даже Надя.

– Тетя Зина, я на стройку

Вроде бы не собиралась.

Не хочу махать я кистью

Или шкрябать мастерком.

И зачем на это учат?

Я и так умею это.

Я хочу учиться, тетя.

Специальность получить.

– Хорошо! Еще есть колледж,

Учат там на педагога,
Воспитателя детсада.
– Ну, какой же я учитель?
Это, тетя, не мое.

Тетя Зина смотрит долго
На племянницу и тихо
Говорит ей:
– Будь любезна,
Кем ты хочешь стать,
Скажи?
– Ну, хотя бы секретаршей,
В банке или же юристом,

Чтобы в офисе, компьютер
И сорочка, и платочек.
На доярку же не учат.
И на стройке вон чучмеки
Пашут без образования.
И зачем тогда мне колледж,
Не могу никак понять.

– Да, понять, конечно, сложно,
Но возможно всё же, Надя.
Кто ж не хочет, я не спорю,
Чистенькой и аккуратной.
С маникюром и на шпильках,
В юбочке, сорочке белой
В светлом офисе сидеть.
Только офисов не хватает,
Чтобы все там уместились.
Ну, а кто же будет строить,
Нянчить и учить детей?

– Мам! Чего ты завелась-то? –
Люся фыркнула.

– Надюха –
Симпатичная девчонка.
Сексапильная такая!
Так что где-нибудь приткнется
В сфере гендерных услуг.
– Это что еще такое? –
Надя спрашивает Люсю.
– Ты ее не слушай, Надя!
У нее такие шутки.

Дядя Миша собирался
В это время на работу.
Женский разговор услышав,

Не вмешаться он не мог.

– Нам в гараж нужна диспетчер.

Прежняя в декретный отпуск

Через день – другой уйдет.

Так что к нам давай, Надюха!

Там зарплата двадцать тысяч.

Ну, и парни молодые,

Жениха себе найдешь.

– Ой! Иди ты, ради Бога! –

Замахала тетя Зина.

– Гаража ей не хватало!

Ей теперь учиться надо.

– Ну, тогда решайте сами!

Хлопнул дверью и ушел.

– А, быть может, тетя Зина,

Что-нибудь найдем другое?

Ну, не нравится мне стройка.

Лучше уж доить коров.

– Ладно! Что-нибудь поищем!

А теперь собрались быстро!

А иначе опоздаем.

Всё собрались. К остановке

Наша троица шагает.

А народу там собралось

Больше, чем у них в деревне.

Глава одиннадцатая

ВЕРА У ПОДРУГИ

Пуговица оторвалась на халате.

Ищет Вера. На полу она смотрела

Заглянула под сиденье.

Как сквозь землю провалилась.

Нехорошая примета.

Чуть в купе ее не трахнул

Жирный боров.

Что же будет?

Страшновато Вере стало.

Хуже нет, чем неизвестность.

Ой! Уж пригород мелькает.

Надо быстро собираться.

С полотенцем полетела,

Чтоб помыться в туалете.

Дерг – подерг! А дверь закрыта.

Что помылась? С мятой рожей

Встретишь город, недотепа.

Ладно уж! Подкрасить губки,

Тени наложить под брови,

Расчесаться, приодеться,

Чтоб не выглядеть кулемой.

Вот и всё! Мелькает город.

Сердце бьется учащенно.
Что же, Вера дорогая,
Подъезжаешь к новой жизни.
Верочка перекрестилась.
«Господи! Спаси! Помилуй!
Сделай так, чтоб всё сложилось
По-нормальному, пучком»
Застучало. Загремело.
Дернулся вагон и замер.
Только вышла из вагона,
Слышит:
– Верка!

Огляделась.
Ксюша ей рукою машет.
Как обрадовалась Вера!
Обнимаются подруги.
Чмокают друг друга в щечки.
Года три уж не видались.
Жили девочки в соседях,
В класс один они ходили.
Ксюшин папа очень редко
Появлялся. Он в Москве
Был на заработках вечно.
Мать работала в Совете.
Кажется, секретарем.

И порою выпивала
В одиночку очень крепко.
В магазине с красной рожей
За добавкой появлялась.
А потом отец квартиру
В этом городе купил.
Часто девушки общались
Меж собой по телефону.
Вера новости расскажет,
Ксюша о своих делах.
И когда решили Вера
Ехать в город, то сказала
Ей подруга, поначалу
Может жить она у них.
Смотрит Вера, улыбаясь.
– Как ты, Ксюша, похудела
Да еще и загорела!
Ты же просто топ-модель!

Вот бывает же такое!
Красоту дает природа
И умом еще наделит.
Повезло ужасно Ксюше.
Ей завидовала Вера
По-хорошему. Кумиром
Для нее являлась Ксюша

И всегда у ней совета
По любым делам просила.
Взяли сумку. И щебечут,
Никого не замечая.
Вышли к площади вокзальной.
Там такси стояли в ряд.
Их таксисты зазывают,
Улыбаются и машут,
Лестно девушек красивых
Каждому заполучить.
Вера выпучила глазки:
– На такси? Да что ты, Ксюша?
Это ж дорого! Подумай!
Вон автобусы стоят.

Улыбнулась ей подруга.
– Нет! В автобусе давиться
И вдыхать в себя миазмы,
Это надо быть какою,
Чтоб себя не уважать!
Полезай без разговоров!
А за деньги не заботься!
Это там в деревне деньги.
Здесь же это мелочёвка.

Улыбается водитель,

Усики мизинцем гладит.

– Ну, куда, девчонки, едем?

Сразу, может быть, ко мне?

– Заводи давай машину? –

Грубо Ксюша оборвала.

– И еще! Музон отстойный,

Умоляю, не включай!

Глава двенадцатая **ЛЮБЕ СНИТСЯ СОН**

«Я написал тебе сегодня утром.

Ты почему-то трубку не брала.

Ну, как добралась ты до города? Нормально?

Нашла отца? Как встретили тебя?

Конечно, без тебя скучаю жутко

Быть может, осенью я в армию уйду.

А после службы не вернусь в деревню.

Переберусь я тоже в город, как и ты.

Фу! Целый час писал. Рука устала.

Пересылаю. Позвони! Андрей»

Эсэмэску прочитала

Люба. Но ничто в душе

У нее не шевельнулось.

Ей Андрей был безразличен.

Конечно, сны невероятны.
Приснился Любе чудный парк,
Весь листьев золотом усыпан
И небо чистое над ним.
Она бредет неторопливо,
Остановившись, ножкой листья
Сгребет, люблюсь, в пирамидку.
И дальше. В парке никого.
Она одна. Никто не помешает
И не нарушит тихий мир души.
Вдруг странный шум
Послышался ей сзади.
Как будто кто-то гонится за ней.
И торопливо Люба обернулась.
Огромный пёс с поджарыми боками,
Разинув пасть клыкастую, прыжками
К ней приближался. Люба закричала.
Но кто ее услышит в этом парке,
Где ни души? А злобный пес уже
Настиг ее. И свой прыжок смертельный
Нацелил так, чтоб в горло ей вцепиться
И жизнь ее мгновенно оборвать.
Она застыла, словно дерево на месте.
Нет сил кричать. Последние мгновенья
Остались ей, чтоб осознать, что жизнь
Сейчас прервется. И огромные клыки

Она уже отчетливо видала.
И смрадное дыхание пахнуло
В ее лицо. Тут псина завизжала,
Обмякла вся и грохнулась на землю.
В боку ее, который поднимался
И резко опадал, стрела торчала.
Стояла ничего не понимая,
Во все глаза глядела на собаку.
И слышит голос ласковый и тихий:
– Он напугал вас, этот страшный зверь?
Он больше вам ничем не угрожает.

Раздвинулись кусты и перед ней
Стоит охотник, молодой и стройный.
В одной руке он держит лук большой,
Другую же к груди прижал и поклонился:
Одет он странно. Словно со страницы
Волшебных сказок появился он.
Большие и блестящие глаза.
Над ними веки словно опахала.
Он руку протянул.
– Позвольте вашу руку!

Ее ладонь в его легла ладонь.
Ведет по парковой дорожке.
В конце дорожки белая карета,

Запряжена в четверку лошадей.
Он перед нею дверку распахнул.
Она поднялась. Села на диванчик.
Он рядом сел. И тронулась ка карета.

Глава тринадцатая

НАДЯ ВСЕЛЯЕТСЯ В ОБЩЕЖИТИЕ

Душа подобна озеру. Она,
Когда спокойна, дно увидеть можно
И наглядеться красотой камней
И плавным ходом рыб разнообразных.
Но стоит взволноваться водной глади,
И волны теплые пугают рыбаков
И к берегу они спешат, ища спасенья.
Племянницу спихнула тетя Зина,
Сдала, как сумку, в кулинарный колледж.
Всю жизнь мечтала Надя стать стряпухой,
Стоять у жаром пышущей плиты,
Бочки ворочать, обливаться потом,
Картошку чистить, овощи крошить
В дурацком белом колпаке
Среди таких же неудачниц, как она,
Терять бездарно молодые годы...
Но промолчала Надя. Скрыла гнев.
И с тетей Зиной мирно распрощалась.
Направилась вселяться в общежитье.

Взглянув на направление, комендантша
С копною черных крашенных волос
Велела следовать за ней. На третий
Этаж поднялись. В триста первый номер.
Зашли. На них глядит с кровати
Испуганно девчушка, в серых шортах,
В футболке, явно купленной на рынке.
– Ну, вот соседку привела к тебе! –
Сказала комендантша.
– Значит так!
Спиртное пить категорически нельзя.
Готовить или чай согреть – на кухне.
Там, кстати, холодильник даже есть.
И чтоб парней сюда не приводили.
Узнаю если, выселю вас сразу
И докладную напишу еще.
И как фанера над Парижем, пролетите.
И чтоб порядок был и чистота!
И музыку чтоб громко не включали!
Ну, всё понятно? Скоро двух еще
К вам подселю девчонок. И комплект
Здесь будет полный. Всё! Располагайтесь!

Сурово поглядев на них, ушла.

– Я Надя.

– Оля.

– Тоже из деревни?

– Ну, да! Из Коченевского района.

Тут в основном девчонки деревенские.

А городские ищут, что получше.

– Ну, да! Ну, да! – с ней Надя согласилась.

– Ну, ладно, проживем, а там посмотрим.

Тут оглядеться надо бы сначала.

Понять, что здесь к чему. Ведь так же?

Ну, помоги мне сумку разобрать.

А то не знаю, что куда пристроить

Развешали вещички. А продукты,

Что в тумбочку, а что-то отнесли

На кухню в холодильник.

Чай заварили. И сидят болтают

Про то про сё, как трудно деревенским

Привыкнуть к этой жизни городской.

Никто их здесь не ждет. И родственники тоже.

Так что рассчитывать лишь на себя придется.

Ее соседка была на мышку серую похожа.

Всего боялась. С внешностью такой

Кому она нужна. Всю. жизнь на кухне

Ей суждено остаться старой девой.

И мысль такая успокоила Надежду.

Всегда нам лучше, если рядом слабый,

Тогда сильней мы чувствуем себя.

Под покровительство берем и защищаем,
Взамен от них покорность получая.
– Деревня наша, – говорила Оля,
– Считай, что потихоньку вымирает.
Уж каждый третий дом стоит пустой.
Директору лишь хорошо живется.
Дворец себе отгрохал двухэтажный.
Крутой «ландкрузер». Важный, как король.
Едва здоровается с человеком деревенским.
Здесь в городе и дочери, и сыну
Купил квартиры. И себе, конечно.
– Ой! Видно так везде! – вздохнула Надя.
– Вот на уроках-то истории твердили
Про крепостное право, то да сё.
Как плохо крепостным жилось в России.
А до сих пор не изменилось ничего.
Один директор барином живет,
Всех презирает, обдирает, словно липку.
А слово против лишь попробуй вякни,
Уволит безо всякого с работы.

Глава четырнадцатая **ВЕРА СОБИРАЕТСЯ В НАЙТ-КЛУБ**

– Пришла пора зажечь костры! –
Сказала Ксюша, усмехнувшись,
Когда, поужинав, сидели

На кухне. Баночное пиво
Цедили медленно, болтали.
– А ну-ка, Верка, одевайся!
Но только ярко и конкретно
Пойдем!

Сопела в зале мама.
Она поддатая вернулась,
Потом добавила на кухне.
Уже хотела песни петь,
Но Ксюша увела ее
И уложила на диван.
– Надену-ка я эту юбку! –
Сказала Ксюша.

Покрутилась.
– Не правда ль, очень сексуально?
Мальчишки глаз не отведут.
Хотя и взрослые мужчины
Бывают там. С одним из них
Тебя сегодня познакомлю.
Вот эти туфли обуваешь!
– Да я в них не шагну ни шагу.
Как можно? Тут такие шпильки!
Да я в них сразу упаду!

А Ксюша, нанося помаду,

Сказала:

– Время есть у нас.

Потренируешься немного

На каблуках таких ходить.

– Не надо! Что ты? Не хочу! –

Руками Вера замахала.

– Да ладно ты! Здесь не деревня.

Здесь по другим живут законам.

Короче, слушайся меня,

И будет всё о'кэй, подруга.

А ну, пройдишь!

Шагнула Вера. И руки в стороны раздвинув.

Как будто полететь хотела,

Она до стенки прошагала,

Потом назад. Фу! Получилось!

– Да! Походняк! – сказала Ксюша.

– Как будто робот марширует.

Смотри, как надо ставить ногу!

Как плечи, голову держать!

И грудь вперед! И от бедра!

А ягодицы должны играть!

Смотреть спокойно,

Чуть улыбаясь свысока.

Не торопиться! Ведь походка

Визитной карточкой нам служит.
Послушай, Верка! В этом платье
Ты собираешься идти?
Ты хочешь комиком в найт-клубе
Сегодня выступить, наверно.
Сними сейчас же эту гадость!
Для деревенских дискотек
Оно сошло бы. Но не здесь.
Постой-ка!

Ксюша рыться стала.
– Вот это платьишко померяй!
Мне это платье маловато,
А для тебя вот в самый раз.

Надела платье. Элегантно.
Фигуру плотно облегает.
Еще и блески. Просто прелесть!
Но только два большие НО!
Во-первых, слишком уж прозрачно.
Всё видно. Трусики и лифчик.
А во-вторых, лишь чуть нагнешься
И сразу попу обнажишь.
– Не! Ксюша! Это будет слишком.
Себя в нем голой ощущаю.
– Ну, значит, так! Трусы снимаешь

И надеваешь это вот!

И ленточку ей протянула.

– Что это?

– Стрингеры, подруга.

Ну, надевай давай! Не стой!

Надела Вера. Ужаснулась.

– Так всё ж видать!

– Вот и прекрасно!

Себя подать – уменье надо.

Иначе выберут другую.

Ну, ладно! Всё! малюем рожи!

Так кто ж помаду так наносит?

Вот так! Теперь рисуем тени.

Ну, вот и всё! почти готовы.

Глава пятнадцатая

ЛЮБА В ГОРОДЕ

У костра спала в стогу.

Так чудесно! Городскому

Расскажи – не понимает.

Искры улетают ввысь

И живут одно мгновенье.

Им на смену от костра

Новые взлетают.

В стороне вздыхает конь.
За день он умаялся.
Рад прохладе он ночной.
Легкий ветерок ему
Тихо гладит гриву.
Шевельнешься и шуршит
Сено под тобою.
Сколько запахов оно
Щедро расточает.
В целом мире ты одна
И на дне вселенной
Ты лежишь. А над тобой
Звезды, звезды, звезды.
Не девчонкой здесь простой,
Частью мироздания
Ощущаешь ты себя.
И в мгновенья эти
Чувство вечности в твоём
Сердце поселяется.
Но попробуй Расскажи
Городским такое,
Засмеются над тобой,
У виска покрутят.
Скажут:
– Девочка того!
Видно с дуба рухнула,

А иначе б чепуху
Не несла такую.
Всё в движенье тут. Бегут.
Все кругом торопятся
И боятся опоздать.
Лица озабочены.
Каждый здесь сам по себе.
Каждый в одиночестве.
Хоть кругом тебя толпа,
Нет здесь единенья.
По деревне ты идешь –
Целое событие.
За тобою столько глаз
Наблюдают пристально.
Что-то новое надень,
Все заметят сразу.
А прическу измени –
Разговоров будет!
Интересна ты для них.
Как в большом семействе,
Жить в деревне. Иногда
Раздражает это.
Хочется побыть одной,
В себе самой замкнуться.
Тут же сунутся к тебе:
– Ты чего такая?

Заболела, может быть?
Или что случилось?
Или Витька что сказал
И тебя обидел?

Глава шестнадцатая **НАДЯ В РЕСТОРАНЕ**

Пришла пора зажечь костры,
Иначе молодость упустишь
И серой мышкой будешь жить
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без счастья, без любви.
Хотя, конечно, слезы будут.
Потоки слез в подушку ночью
И чувство жалости к себе.
Нет! Нужно проявить смекалку.
Искать, бороться и найти.
Уж месяц миновал учебы.
Притерлась Надя помаленьку,
Ей многое понятно стало
В сумбурной жизни городской.
Спасти от серых нудных буден.
Ее замужество лишь может.
Не на любом, кто попадется,
Тут нужно с толком выбирать.
Искать успешного мужчину.

Пусть будет старый он. Неважно.
Да и любовь тут ни при чем.
Нельзя на случай полагаться.
Судьбу свою взять твердо в руки,
Целенаправленно искать.
Нет! Интернет здесь не помощник.
Там ищут девушек для секса.
И дорогие рестораны
Отвергнуть тоже ей пришлось.
Туда идут такие профи,
Что ей до них, как до луны.
Причем приходят с ясной целью
Себя продать и подороже.
Но всех богатых мужиков
Давным-давно уж разобрали.
И чтобы женушку он бросил,
Без памяти влюбиться должен.
А как в себя влюбить мужчину,
Чтоб стать единственной на свете,
Чтоб о тебе он только думал,
Чтоб наважденьем для него,
Болезнью стать, быть непохожей
На всех других, на проституток.
На светских львиц и на прислугу,
И в то же время недоступной,
По крайней мере, до поры,

Пока по уши не завязнет,
Тогда себя ему, как орден,
Вручить, чтоб прыгал он от счастья
И, как мальчишка, вел себя?
На практику их посылали.
И Надя очень постаралась,
Чтобы ее определили
Практиковаться в ресторан.
«Лель» – ресторан тот назывался.
Не с нежным сказочным героем
Название связано. Фамилия такая.
Ее считая очень звучной
Так называл он рестораны и отели.
И даже яхту так свою назвал.
Всё, что смогла, узнала Надя.
Вот, значит. Лель Иван Петрович.
Женатый. Тридцать восемь лет.
Имеет двух детей, мальчишек.
И не сказать, чтобы красавец.
Обычная такая внешность.
Похож он больше на торговца,
Чем на крутого бизнесмена.
Но это мелочи, однако.
А что вот очень интересно:
Приходит каждую субботу
В свой ресторан. За задний столик

Садится. До глубокой ночи
Сидит с двумя – тремя друзьями.
И не сказать, что сильно пьет,
Но позволяет. Это ж ясно,
Со стороны увидишь лучше
Достоинства и недостатки.
«Ну, что ж, воспользуемся шансом!» -
Решила Надя. Подружилась
Она с одной официанткой,
Которую Мариной звали.
Был у Марины этой парень.
И ей не нравилось ужасно,
Когда работа выпадала
В ночную смену. Да и парень
От этого был не в восторге.
И Надя как-то мимоходом
Ей намекнула, что подменит
В ночную смену. И Марина
Была ей очень благодарна.

Глава семнадцатая **ВЕРА В РЕСТОРАНЕ**

Неистовство и мощь. Она метеоритом
Ворвалась, рассыпая снопы искр.
Кого-то чмокнет, с кем-то посмеется,
Как будто центр вселенной здесь она.

Ее все знают, радуются ей.

К ней даже сам хозяин клуба вышел.

– Ну, ты даешь! – в восторге шепчет Вера.

— Чего изволите?

— Я вижу, ты звезда!

Смеется Ксюша.

– Да ты не парься, Верка. И тебя
Мы приобщим. Со мной не пропадешь,
Лишь слушайся меня во всем, подруга.

Да! Молодежь здесь отрывается по полной.

И музыка такая, против воли
Ей подчиняешься и двигаешься в такт.

Едва они за столиком уселись,

Как тут же юноша-официант

Бокалы ставит.

– Твой любимый, Ксюша.

– Что, Алексей еще не приходил? –

Спросила Ксюша.

– Задержался что-то.

Но непременно должен подойти.

Чего-нибудь еще?

– Пока не надо.

– Да, кстати... Я могу сказать при ней?

– Конечно, говори!

– Сегодня наш знакомый

Убойные конфеточки принес.

Улет... das ist fantastisch! Подогнать?

– Не знаю. Может быть.

Скажу, как будет надо.

– Не буду докучать. Приятно отдохнуть!

Вон, кстати, Алексей!

Ну, если что, я здесь недалеко.

К ним подошел мужчина, лет под сорок,
С уже заметным брюшком, лысоватый.
В очечках с тонкой позолоченной оправой.
– Знакомься! Вера! Жили по соседству
В деревне мы. Решила наша Вера
Стать горожанкой.

Он пожал ей руку.

– Какая теплая ладошка у нее,
Как будто бы в парное молоко
Она свою ладошку опустила.
Я Алексей. А можно просто Алекс.
Хороший Ксюшин друг.

Подруга улыбнулась.

– Ну, в общем так! Заказывайте всё,
Что вам захочется. И развлекайтесь
Ксюша! Извини! Я должен вас оставить.
Назначил встречу с деловым партнером.
Но если что, звони! Привет, девчонки!

И он ушел. Глядит на Ксюшу Вера.

– А всё-таки, кто он? Я не могу понять.

По возрасту как будто вы не пара.
К тому ж кольцо я видела. Хотя,
Не хочешь говорить, не надо.
– Почему же? Скрывать мне нечего,
Подруга от тебя.
Короче, папик мой.
– Как? Это отчим твой?

Смеялась Ксюша долго.
Потом коктейль хлебнула из бокала.
– Как хорошо с тобою мне, Верунчик!
Естественная ты. Простая и живая.
Спиной к тебе могу я повернуться
И знаю, что не всадишь нож.
– Да ты о чем?
– Не обращай внимания, подруга!
По-деревенски, он любовник мой.
Но так не говорят сейчас.
Он – папик или друг.
– Но он же старый! Он уже лысеет.
С твоей же красотой, с твоим умом
Такого можно оторвать красавца!
Ты влюбилась? Ну, да! Ну, да!
Ой, дура я какая!
Бывает в жизни всякое, конечно.
– Нет! Не влюбилась. Ни на грош!

И честно говоря, не собираюсь.
Жить надо головою, а не сердцем.

Адский ветер налетел.
Вера вся трясется.
Невозможно устоять
Ей никак на месте.
Никогда такого с ней
Не было доньше.
Всё ликует в ней, поет,
Счастлива в движенье
Средь разгоряченных тел.
И вопит со всеми.
Вот где жизнь!
Сплошной экстаз!
Только ради этого
Стоит в город убежать
Из деревни клятой.
Сели потные за стол.
И разгоряченные
Из бокалов пьют вино.
– Кайф! – смеется Вера.
– Слушай, Верка, я сейчас
Лишь об этом вспомнила, -
Подмигнула Ксюша ей.
– Только честно, Верка!

Ты ни с кем еще того
У себя не трахалась?

Поперхнулась. Покраснела.

– Ну, чего ты паришься?

Ведь тебе не десять лет, -

Рассмеялась Ксюша.

– А зачем оно тебе?

– Просто интересно.

Так ты целка или нет?

Только честно, Вера!

– Да! Я девушка еще...

Было раз такое.

Помнишь Ваську? Как-то раз

Шли мы с дискотеки.

Провожал меня домой.

И на нашей улице –

А народу никого,

Фонари не светят –

В общем обнял он меня,

А другой рукою

Гладить начал грудь мою.

Мы остановились.

Он к себе меня прижал

И в сторонку тянет.

Руку сунул мне в разрез

И под лифчик лезет.
Я отталкивать его,
Говорю: «Не надо!»
Он целует всё сильней.
Больно грудь сжимает.
«Я ж люблю тебя! Женюсь!
Ну, чего ломаться?
Не могу уже терпеть!»
Юбку задирает.
Как его толкнула я
И бегом до дому.
Он в вдогонку мне кричит;

«Сука! Проститутка!»
– Ой, подруга! Не могу!

И расхохоталась.
– Ну, деревня! Анекдот!
Дикари какие-то!

Разлила она вино.
Чокнулись.
– Послушай!
Да на этом огрести
Можно кучу бабок.
Есть такие мужики,

Падкие на девственниц.
Их заветная мечта –
Быть первопроходцами.

Вера резко поднялась.
– Ты совсем рехнулась,
Чтоб такое предлагать?
Я ж не проститутка.
– Сядь! – сказала резко Ксюша.
– Декабристка, в твою мать!
Вера! Ты не проститутка.
Просто дура ты! И всё.
Под какого-нибудь Ваську
Ляжешь. Ну, и что с того?
Через месяц разбежались.
Всё! закончилась любовь.

Глава восемнадцатая **ЛЮБА У ОТЦА**

Гибель «Титаника»... И у дверей
Долго стояла, хотела уйти.
Убеждена была: только увидят,
Сразу пред нею
Захлопнется дверь.
«Всё! я на дне.
Я уже утонула.

Как дура,

Что ж сорвалась я?

А где голова?

Папочка новой семьей обзавелся.

Ну, и зачем я приперлась сюда?

Чтоб пережить унижение? Ладно!

Надо домой возвращаться теперь.

Как-нибудь ночь просижу на вокзале.

И до свидания, жизнь городская!»

Сумку она подхватить не успела,

Дверь отворилась. Отец на пороге.

Глянул, но сразу ее не узнал.

– Девушка! Ищите что ли кого-то?

Люба смутилась.

– Да так! Ничего!

– Люба!

Узнал.

Хоть не виделись долго.

– Любочка! Дочка!

Шагнул к ней навстречу.

– Вот уж не думал увидеть тебя.

Обнял за плечи. Глядит неотрывно.

– Ты повзрослела. Красавицей стала.

Что ж мы стоим?

Подхватил ее сумку.

– Что ты застыла? Давай проходи!

Только зашла, слышит голос:

– Чего-то

Видно забыл?

Им выходит навстречу

Женщина

В пестром коротком халате.

Любу увидев,

Застыла на месте.

– Здравствуйте!

– Здравсьте!

А кто это, Петя?

– Дочка. Совсем уже взрослая стала.

– Дочка? Однако весьма любопытно, -

Хмыкнула женщина, губы кривя.

– Ну, и чего мы стоим на пороге?

Вы проходите. Я переоденусь.

Хмыкнула снова и скрылась за дверью.

– Как-то неловко. Наверно, напрасно,

К вам заявилась.

Мне стыдно. Простите! -

Люба бормочет.

– Давай разувайся!

Стыдно – не видно.

А ты молодец!

Я же, по правде сказать, и не думал,

Что я, Любаша, увижу тебя.

– Мама-то как там? Не вышла ли замуж?

– Мама болеет.

– Серьезно?

– Ну, так...

– Ну, а Сережа?

– Да учится в школе.

– Ладно, давай проходи! Не стесняйся!

– Пап! Извини! Ну, тут дело такое...

Как мне, не знаю, ее называть?

– А называй-ка ее тетей Галей.

Голос насмешливый сзади раздался.

В новом обличье предстала она:

В синей футболке и черных штанишках.

– Петя! Ведь ты собирался за хлебом.

Дуй в магазин. А иначе-то ужин

Будет без хлеба сегодня у нас.

– Да! Позабыл уж. Ну, ладно, девчонки!

Ужин готовьте! А я побежал.

Хлопнула дверь.

– Ну! Поможешь мне, Люба?

– Да! Хорошо! Помогу, тебя Галя!

– В спальню зайди! На кровати одежда.

Переоденься, чтоб не замараться.

– Что вы? Не надо. Своё же имею.

– Ладно! На кухню пойду. Петя любит

Вкусно покушать. Давай! Подходи!

Чистят и режут, и парят, и жарят.

Галя от лука глаза протирает.

– Люба! А ты погостить – попроведать?

Или какая другая причина?

Глава девятнадцатая

НАДЯ ЗНАКОМИТСЯ С ЛЕЛЕМ

Надо ринуться в схватку с судьбой!

Будь что будет! С подносом бежит.

И когда возле столика встала,

Наклонился поднос и слетела

Чашка с кофе ему на колени.

Закричал он, вскочил.

– Кто такую

Рукусуйку поставил на зале?

Всех уволю!

А Надя рыдает.
На колени готова упасть.
Успокоился он, поглядел
На нее слишком пристальным взглядом.
– Извините меня! Я не прав.
Ну, не надо рыдать! Умоляю!
Женских слез я терпеть не могу.

Глава двадцатая

ВЕРА И ВЛАДИМИР

Налетел ураган. И понес, как былинку.
Ах, как кружится голова!
Позабыла про все. Если б раньше сказали,
Что такое случиться с ней может,
Не поверила б Вера ни в жизни.
С кем угодно! Но только не с ней!

ВЕРА

— Я ЛЮБЛЮ ЕГО!

ОН ТАКОЙ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ!

— ЛЯ...
ЛЯ...
ЛЯ...

Но случилось! Владимир был звездой эстрады.
И толпы поклонниц сторожили его день и ночь.
Был он падок на женские прелести очень.
И бывало имел три партнерши за ночь.
Но с годами напор ослабел.
Молодился. И операции делал.
Но уже понимал, что закат наступает.
Всё чаще с «виагрой» общался.
Но эффект был, конечно, не тот.
Лишь одно пробуждало в нем страсть,
Как и в прежние годы,
И тогда он опять себя чувствовал жадным самцом.
Кровь бурлила, желание совокупиться
Заставляло его обо всем позабыть.
Да! Невинные девушки Вову прельщали.
«Дайте девственниц мне!
Мандавошек не нужно мне больше!» -
Говорил он продюсерам и рекламистам.
«Можно с плюсом не очень большим,
Но моложе не надо.
Слишком много врагов,
Всяких умников поразвелось.
А жениться на них
Или зону топтать
В мои планы не входит».

Разводили руками.
Да где же таких отыскать?
Знаешь сам же,
Со школьной скамьи
Приобщаются к этому делу.
К выпускному уж куча аборт.
Разве только дурнушки,
Что кривые, косые.
– Нет! Таких мне не надо! –
Владимир кричал.
– Подавай симпатичную целку!
Кто такую найдет
И ко мне приведет,
Награжден будет щедро!

За месяц таких находили
Одну или две. И не больше.
Загрустила звезда поп-эстрады.
И зачем ему слава и деньги,
Если скромное это желанье
Остается желаньем и только.
Тут приходит к нему сообщение от Ксюши.
Когда-то два раза
Он в отелях ее отымел.
И с тех пор они стали друзьями.
К сексу больше уже не тянулись.

В клубах изредка пересекались.

Глава двадцать первая **ЛЮБА ИЩЕТ РАБОТУ**

Сначала воспари, а после рухни.
Так вечер был хорош и откровенен.
О ней поговорили, обо всем.
А утром тетя Галя ей сказала,
Что прописать ее сюда не может.
Тогда она наследницей квартиры
Становится. Зачем же им такое?
И перетащит мать тогда свою
И брата. Очень хорошо!
– Конечно, можешь жить.
Но только без прописки.

А Люба лишь молчала и кивала.
И то уж хорошо: не гонят сразу.
Хотя нельзя их тоже осуждать.
Отец давно живет другою жизнью.
Уже ничто не связывает их.
Так что уж тут? Они чужие люди.
Позавтракали быстро. На работу
Собрались тетя Галя и отец.
И Люба тоже собралась.
– Куда ты?

– Ну, буду что-нибудь искать, – сказала.

Отец втихушку в коридоре сунул деньги.

– Прости, что мало так.

Все деньги у нее.

Ты вечером, Любаша, возвращайся.

И если что, звони.

И виновато

Он улыбнулся.

– Я плохой отец.

Но только прошлого-то

Не вернуть теперь.

– Не надо, папа! Всё нормально!

Не винись!

Никто не виноват.

Судьба разводит нас.

Пред нею мы бессильны.

И коснулась

Его плеча.

Отец махнул рукой.

– Ну, что стоим? – спросила тетя Галя.

– Удачи, Люба! Я тут не советчик.

А то ведь можно насоветовать такое,

Что виноватую останешься потом.
Ты девушка серьезная. Я вижу.
Сама во всем сумеешь разобраться.
А вечером уж к нам. Живи у нас,
Пока жилья другого не найдешь.

Куда поехать? В центр трудоустройства.
Конечно, поучиться не мешало б,
Но без копейки денег за душой,
Без помощи... Нет! Это невозможно.
К тому же маме с братом помогать
Должна. Так что
Искать работу!
Доехала. Попала на прием.
Вакансий много.
На заводах и на стройках.
– Мне с общежитием
Завод там или стройка.

Звонят. И им в отделе кадров
Сказали: общежитие дают.
Пусть приезжает оформляться.
Вот и славно!

Глава двадцать вторая
НАДЯ С ЛЕЛЕМ

«Поди ж ты! Я живу в капитализме.
Диктует рынок цены на товар.

Нет! Ваня дорогой! Букетами цветов,
Халявной ресторанною едой
Ты молодую плоть решил купить.
Не выйдет! Я ценю себя дороже».
Казалось, вот сейчас она ему отдастся.
Чуть-чуть... И вдруг отпор.
– Нет! Так я не могу!

Не любишь ты меня.
Мое лишь хочешь тело.
Тогда ищи доступнее девиц!
А без любви я не могу. Поверь!
Такая дура я! Отсталая, наверно.
Расстаться мы должны.
Не выйдет ничего.

А он, мужик, не знающий отказа,
То в бешенство впадет,
То просит, как пацан.
Готов упасть пред нею на колени.
Но Надя трезво рассчитала всё.
Нет! Не совсем еще созрел, мой милый!
Хочу, чтоб эту грань ты перешел
И был готов женой пожертвовать, детьми.
Конечно, тут переборщить легко.
Вон сколько девок молодых вокруг!
Готовы даром что угодно сделать.
А вдруг махнет рукой:
Ну, не дает – не надо.

Комендантше дорогого
коньяку!

Тут главное момент не упустить...
И что взялось откуда – не поймешь!
Ведь из деревни, бывшая доярка,
А как искусством страсти овладела.
– А что ты хочешь, Ваня дорогой,
Чтоб в кабинете на исшарканном диване,
Отполированном до блеска, отдавалась
Тебе в неделю раза три – четыре.
А то в сексомобиль меня ты пригласишь...
Вон Светку позови или Наташку.
А от меня отстань! Поплачу и забуду.
А может быть, в общагу пригласить?
«Ах, девочки, немного погуляйте!
А мы чайку попьем. А комендантше
Бутылку дорогого коньяка
Подаришь. Чтоб она не возмущалась.

Иван скрипел зубами и молчал.
И вот чего
Далась девчонка эта?
Чего о ней он думает одной?
Бессонными ночами представляет
Себя в постели с нею?
Черт возьми!
Да это наваждение.

А может,
Влюбился он в нее?
Ну, право, как пацан.
Рассеян стал.
Порою в разговоре
Не слышит собеседника.
– Ах! Что? Задумался. Прости!
Что ты сказал?

Нет! Продолжаться так
Не может дальше.
Он должен что-то сделать
Непременно.
Иль ею овладеть,
Иль отказаться.

В тот вечер
Пригласил ее за столик.
Она как будто чувствовала
Что-то
Сегодня с ними важное случится.
В любимом платье,
Хоть оно неново,

Но так фигуру плотно облегает,
Подчеркивая прелести ее.

Налил вина.

– Давай, Надежда, выпьем

За нас!

– За нас?

А почему бы нет?

И звонко чокнулись.

С таинственной улыбкой

Он ключ ей протянул.

– Зачем? Что это значит? –

Спросила Надя.

И тепло такое

Пониже живота.

– Ты хочешь знать? Ну что ж

Пойдем, Надежда!

Приехали. Седьмой этаж.

Заходят.

Две комнаты. Балкон.

– Я на тебя оформил.

Ты хозяйка.

А в гости пригласишь

Чайку попить?

Как он нетерпелив!

Казалось его руки

Прожгут насквозь.
И всю обцеловал
От пяток до макушки.
А потом,
Как будто ураган.
– Ты просто сумасшедший!
– Да! Я с ума сошел,
Любимая моя.
И снова, и опять,
Как будто двадцать лет
Ему сейчас.
Насытиться не может.
Но наконец иссяк.
И рядом неподвижно
Лежит и дышит тяжело.
– Сейчас я побывал в раю.
Такого никогда
Со мною не бывало.
– А ты умеешь льстить.
– Нет, Надя! Я не вру.
Влюбился, как пацан.
– И я в тебя влюбилась.
Ты самый лучший в мире,
Мой мужчина.

Глава двадцать третья

ВЕРА ПОЛУЧАЕТ ОТКУПНЫЕ

У тебя целый мир,
Потому что у тебя он,
Единственный и неповторимый,
Красивый и гениальный.
Он носит тебя на руках.
Он прекрасен, как Аполлон.
Он на других не смотрит.
Для него в мире только ты.
Упало с неба счастье.
Каждой своей частицей
Чувствует Вера его.
Он берет ее на гастроли,
Ничего для нее не жалеет.
Дорогие подарки ей дарит.
И на страницах журналов
Глянцевых вместе они.
И кажется, даже голос
Стал у него мелодичней.
Каждый концерт кончается
Радостным воплем: «Люблю!»
Но Вера порой заплачет,
Когда одна остается
И грустно думает; «Счастье
Не может быть долговечным».
И чувствует, что-то ужасное

Случится. И может быть, скоро.
Что-то ей делать нужно,
Чтоб счастье свое сохранить.
И скоро нашлось решение
Само собою. Узнала
Вера, что стала беременной.
Так вот же он выход, конечно!
Теперь узаконят брак.
Но надо об этом Вове
Сказать не будничным тоном

Никак о чем-то обычном,
А как о великом событии,
Что скоро случится с ними.
И случай такой подвернулся.
Давал он концерт юбилейный.
А после, само собою,
Был ресторан. И Вера,
Тесно к нему прижавшись,
Шепнула на ушко:
– Милый,
Скоро нас будет трое!

И чмокнула в щеку. Он сразу
Переменился. Улыбка
Исчезла с лица.

– О чем ты?

Какие трое?

Что-то тебя не пойму.

– Я беременна, Вова.

Он отодвинулся молча.

И поглядев сурово,

Сказал ей:

– А знаешь ли ты!

Врачи мне давно сказали,

Что у меня не будет

Детей никогда. Вот так-то!

– Как? – воскликнула Вера.

– Ношу твоего ребенка.

– Значит, не мой ребенок.

– Тебе я досталась девушкой.

– Да мало ли что бывает!

С кем-то еще траханулась.

Может, с моим водителем.

Он симпатичный парень,

Охочий до этого дела.

– Клянусь тебе, Вова!

– Не надо

За лоха меня держать.

Хлынули слезы градом.

Он брезгливо поморщился.
И больше ни разу за вечер
К ней он не подошел.
Одна в роскошном номере
Ночь провела Вера.
А утром пришла записка:
«За целку три тысячи евро
Получишь. Бай-бай! Владимир!»

Глава двадцать четвертая **ЛЮБА ПРИХОДИТ НА ЗАВОД**

Пришел апрель. И все свои березы
Пересчитал он в первозданной наготе.
Как воздух напоен флюидами любви!
Так счастья хочется. И в ход идут колготки
И мини-юбки. Ошарашены мужчины,
Как будто совершилось нечто,
Что пробуждает в них охотничий инстинкт.
Но Люба в робе и косынке темной
Всю смену у огромного станка.
Порою некогда убрать ей прядь волос
И пот со лба стереть. Она похожа
Скорей на медвежонка. Хоть и ловко
Всю смену крутит, ставит, убирает.
И бригадир доволен очень Любой.

И как-то ей сказал: пора экзамен
Сдавать ей на разряд. И станет
Тогда и получать она побольше.
«Чудесная девчонка! – он подумал.
– Не то, что вертихвостки, у которых
Лишь парни на уме, ночные клубы
Да сэлфи, да одеться помодней.
Эх, будь я молодым, на ней женился б!
Характер золотой. Не злится никогда.
Не скажет ни о ком она плохого.
Когда обидят, лишь заплачет молча.
И комендатша хвалит. Жениха
Тебе б, Любаша! Парня трудового!
А то в компанию дурную попадет –
И всё! Испортят ведь девчонку негодяи.
А кто работать будет на заводе?
Лишь старики, которые не станут
Уже менять профессию свою.
Их барахольная торговля не прельщает,
Они гордятся мастерством своим.
И девяностые лихие пережили,
Когда зарплату по полгода не платили.
А если платят, то лапшой, то крупой,
А то гуманитаркою заморской,
Где чечевица черная, что свиньям
Американцы бы давать не стали,

Печенья пачка и конфеток горсть.
Уже завод хотели закрывать,
Он стал не нужен зарубежным фирмам.
Зачем им конкурент? Да и России
Промышленность не нужно оставлять.
Пусть нефть качают, добывают уголь
И валят лес. И населенья нужно
Оставить миллионов тридцать – сорок.
Цивилизованные страны обеспечить
Должны они сырьем, водой и лесом.
Того, что Гитлер сделать не сумел,
Они почти сумели. Ликовали.
Свершилось! Ненавистой Рашки нет!
И вдруг как будто черт из табакерки,
Какой-то невысокий человек,
Которого всерьез не принимали,
Сказал отчетливо и внятно;
– Всё! Шабаш!
Мы не холопы, не подстилка вам
И не позволим, чтоб за нас решали.
Не для того трудились наши предки
И погибали в бесконечных войнах,
Великую державу создавали.
Мы возродим страну и кланяться не будем
И милости от Запада просить.

И на завод, что уж дышал на ладан
Пришли другие люди. И позвали
Вернуться тех, кто здесь уже работал.
Пришли не все, конечно. Кто-то умер,
А кто-то слишком стар. А молодые
– Увы! И калачом их не заманишь.
Все быть хотят банкирами. Юристов
И финансистов столько развелось,
Что их хватило бы с лихвою на полмира.
И все хотят сниматься в сериалах,
Быть топ-моделями, владельцами заводов,
На содержанье быть у олигархов.
Ну, на худой конец – прислугой в их дворцах.

Глава двадцать пятая

НАДЯ РАДУЕТСЯ. ЗАБЕРЕМЕНЕЛА

По какой-то причине житейской
Выпадет порой такой кульбит,
Что стоишь и лишь разводишь руки:
Неужели это сделал я.
Если б Наде год назад сказали,
Что ей купит в городе мужчина
Целую квартиру. Посмеялась:
Хорошо рассказываешь сказки.
Где уж ей, дурехе деревенской!
Ей бы лишь коров за сиськи дергать

Да с другими сплетни обсуждать.
А теперь она почти богиня!
Визажисты делают прически,
Ходит в фитнес-класс и дорогие
Рестораны может посещать.
Драгоценности, которые не снились
Деревенским бабам и девчонкам,
Вешает она себе на шею,
На таких машинах рассекает,
Что лишь в фильмах видела деревня.
Вроде б Наде надо петь от счастья.
Выиграть в такую лотерею,
Что одной из многих-многих тысяч
Выпадает в жизни только раз.
Но она не прыгает от счастья,
Не кричит: «Смотрите, я какая»,
А когда звонит к своим в деревню,
Ничего об этом не расскажет.
Гложет червячок ее и гложет.
Не надежно это положение.
Вот она сегодня на Олимпе,
Ну, а завтра свергнется на землю.
Сколько вокруг Вани бродит хищниц.
Все мечтают стать его подстилкой.
Вот сегодня он в любви клянется,
Завтра охладет. И конец!

И с женой не хочет разводиться.
Не желает слышать про такое.
– Понимаешь, Надя, сколько бабок
Потеряю, если разведусь!
Да и чем она тебе мешает?
Я уж с ней не сплю который месяц.
И как к женщине, к ней совершенно равнодушен.
Так что сохраняем статус-кво.
Я люблю тебя. И это только важно.
– А жена о нашей связи знает?
– Да. Конечно. Но она ж не дура.
И ее устраивает это.
Только чтобы резкие движенья
Я не делал. Вот и всё, пожалуй,
Что ей надо.
«Значит, мне не быть его женою.
Я сегодня в роскоши купаюсь
И ни в чем не ведаю отказа.
Ну, а завтра, может, стану нищей.
Значит, надо что-то предпринять.
Надо сделать что-нибудь такое,
Чтобы разом всё переменялось.
Что же мне придумать? Я не знаю.
Стоп! Конечно! Что быть может лучше!»

Аккуратно Лель предохранялся.

Дорогие покупал кондомы.
И при этом безо всякого стеснения
Перед сексом это надевал.
– Милый! Можно нам без этого сегодня.
Для меня сегодня безопасно.
Для тебя же больше наслажденья.
Так же?
– Ну, конечно, мой котенок.

Раз, второй и третий, и десятый
Утешались без презервативов.
А потом обследовалась Надя.
Залетела. Ах, как хорошо!
Как же Лелю рассказать об этом
Так, чтобы обрадовался он?
Тут сперва прощупать надо почву.
Обухом по голове нельзя.
Подготовить потихоньку, помаленьку,
Чтобы сам он захотел ребенка,
Чтобы сам стремился стать отцом.
А иначе под плохое настроенье
Попадешь, и все пойдет насмарку.

Как русский мед,
Чья сладость проникает
И в кровь, и в мозг,

Так вкус богатой жизни
Нас делает другими совершенно.
Тогда иначе
Смотрим мы на мир
И видим только блеск,

— Ах, милый Ваня!

Роскошные витрины

одежду модную
От лучших модельеров,
В глазах чужих
Готовность выполнять
Любой приказ.
И угождать капризам.
Да, богачи – совсем иная раса,
Они, как марсиане,
В этом мире.
Живут в хрустальных замках,
До которых
Не долетают
Стоны и проклятья,
И плач несчастных,
И зубовой скрежет.
Два мира,
Разделенные стеной,
Две плоскости,
Что не пересекутся.

Глава двадцать шестая **ВЕРА И ВАДИМ**

«Я идущий, потому что

Не могу стоять на месте.
Славы много не бывает,
Денег много не бывает,
Женщин много не бывает.
Я хочу, как можно больше.
Я любил девчонку эту,
Я хотел ее безумно,
Был уверен, что не будет
Лучше в жизни никогда.
Как обманут был я подло!
Как фанера над Парижем.
Пролетел я с этой Верой!
Вот она тебе деревня,
Деревенская девчонка!
Вокруг пальца, словно лоха,
Обвела она меня».

Вова горько усмехнулся,
Выпил виски, сбросил плавки
И к грудастой топ-модели
Повалился на кровать.

Ну, а что же наша Вера?
Долго плакала девчонка.
У разбитого корыта
Оказалась вновь она.
Ни любимого, ни денег,

Ни жилья. Куда податься?
Не идти же в проститутки!
Ни за что и никогда!
И она собрала сумку,
Денежки пересчитала.
Да, осталось ровно столько,
Чтоб домой назад вернуться.
Нет! Не принял ее город,
Обманул ее надежды.
И выходит, городская
Жизнь совсем не для нее.
Как ни горько, ни позорно,
Ничего не остается...
Что ж, деревня посудачит,
Посмеется и забудет.
За окном дома мелькают,
Кавалькады иномарок,
Супермаркеты, заправки,
Магазины, СТО.
Сколько всякого здесь много!
И чего здесь только нету!
А зачем оно, скажите,
Если счастье мимолетно,
А любовь твою отвергли,
Надсмеялись, растоптали?
Для чего ей этот город?

Нет! В деревне всё же лучше.
Вот она родит ребенка,
Будет нянчиться, смеяться,
Огород садить, картошку,
Драить школьные полы.
Ну, и что же здесь такого?
Ничего здесь нет такого.
Так живут везде. А звезды
Светят по ночам для всех.
Настоящие, без фальши,
Им пустой не надо славы,
Не нужны им кучи денег,
Поклонение толпы.
В Кочках сделал остановку
Их автобус. Рядом с Верой
Сел на кресло у прохода
Молодой высокий парень,
Толстогубый и усатый,
Не обмолвился ни словом,
Не взглянул на Веру даже,
Будто бы пустое место
Рядом с ним. Ну, и урод!
Вера фыркнула сердито.
И бывают же такие!
Симпатичная девчонка
Рядом. Он же

Ноль вниманья.
Фу! Конечно, он из этих.
Ну, тогда с ним всё понятно.
Успокоилась. В окошко
Вера смотрит на пейзажи,
Что мелькают вдоль дороги,
То поля, то перелески.
Всё же лучше, чем громады
Этих каменных чудовищ.
Боковым же зреньем Вера
За соседом наблюдает.
Тот достал блокнот и ручку
И чего-то стал писать.
Удивительно для Веры.
Ведь сейчас почти не пишут,
Разве только эсэсэски
Да постанутся в интернете.
Что же он такое пишет?
Очень даже любопытно.
Всё же парень необычный,
Непохожий на других.
Интересно, кто он. Вера
Всё в блокнот его косится.
Строчки ровные. Но что в них
Прочитать она не может.
И сдалась она.

– Наверно,
Вы писатель? Всю дорогу
Что-то пишете в блокноте?

Юноша взглянул на Веру.
– Так! А в прочем, ерунда.
– Не желаете ответить?
И не надо! Больно нужно!

Отвернулась Вера, смотрит
На пейзажи за окном.
– Вы не думайте, нисколько
Не хотел я вас обидеть.
Ну, стишки пишу о разном.
– Вы поэт?
– Какой поэт!
Не смущайте меня, право!
Пушкин – вот поэт. Есенин,
Лермонтов, Некрасов, Блок...
Где уж нам! Но как-то тянет.
Чувства, мысли, ощущение
Выразить желаешь в слове.
И без этого никак.

*Стихотворение Вадима,
Вериного попутчика в автобусе*

Нарисуйте, Пизанелло,
Мне портретную медаль.
Лучше вас не нарисует
И учитель рисованья.
Он по клеточкам рисует
Репродукции. Расчертит,
А потом на лист бумаги
Переносит поквратно.
А потом он ставит в рамку,
В кабинете рисованья
На стене ее повесит.
Любо-дорого смотреть!
Нет уж! Лучше к Пизанелло –
Я отказ не принимаю –
Нарисуйте, Пизанелло
Мне портретную медаль!
А потом берут медали
И торжественно вручают
Вместе с удостовереньем
Тем, кто подвиг совершил.
Таковых я не имею
Ни одной. Не разу подвиг
Не сумел я совершить.
Я хочу медаль иную,
Чтоб на ней портрет любимой,

Чтоб он крышкой закрывался
И был виден только мне.
И когда мне станет грустно
Или там тоска с печалью,
Я открою эту крышку,
Поцелую я портрет.
И ее глаза увижу,
И ее вдыхаю запах.
Что мне горе-неудача,
Если есть она на свете.
Нарисуйте, Пизанелло!
Ну, чего вам, мастер, стоит?
Может, час – другой работы.
Мне же память на всю жизнь.
Пуля облетит сторонкой,
Нож убийцы не достанет.
Даже в автокатастрофе
Обойдусь ушибом я.
И когда вдали от милой,
Даже на другой планете,
Всё равно я рядом с нею,
На груди моей она.
Нарисуйте! Нарисуйте!
Я отдам все накопленья.
И хотя совсем их мало,
До копейки всё отдам.

И вздохнув, старинный мастер
Вытер кисти о фланельку
И положил их на столик,
Там, где краски он мешал.
У меня мороз по коже.
Да! Ужасная картина.
Там повешенные двое.
Смерть в своем обличье грозном.
И штаны у них спустились,
Обнажились ягодицы,
Потому что в миг смертельный
Всё извергло чрево их.
Даже в воздухе миазмы.
Нет! Бежать скорей отсюда!
Как же так, великий мастер!
И такое создавать!
Разве людям это надо
Видеть смерть в обличье грязном
И у виселицы воню
От повешенных дышать?
И выходит, что не только
Радость людям мастер дарит.
Ужас в сердце поселяет,
Безграничный ужас смерти.
Я бежал и задыхался.
Нет! Сюда я ни ногою.

Тут прижал к груди я руку.
Это что еще? Медаль!
Отдышался я. И крышку
Медленно я открываю.
Вот оно мое спасенье!
Вот она моя любовь!
Я открыл. Застыл на месте.
Не могу пошевелиться.
На меня, оскалив зубы,
Череп пристально глядел.

Глава двадцать седьмая **ЛЮБА ПОМОГАЕТ СВОИМ**

Убить героя – значит, пощадить.
Тогда ему неведомы сомненья.
Так получается, он выбора лишен,
Который нас всегда в тупик поставит
И доставляет страшный дискомфорт.
Приносит нам душевные мученья.
И хочется махнуть рукой,
Послать всех дальше,
Забиться, успокоиться, уснуть.
Но не получится...
И если даже вступим
На этот путь,
То будем сомневаться:

А правильной дорогой мы идем.
Быть может, лучше,
Если бы свернули
Налево или же направо,
А, быть может,
На месте лучше б было оставаться,
Ведь неизвестно же,
Куда ведет дорога...
Так Люба сомневалась.
И порою
Считала, что она зашла в тупик.
Ведь ни одной девчонки на заводе.
Да и вообще здесь молодежи нет.
Все пожилые, женщины, мужчины,
Которым никакие перспективы
Уже не светят. Доработать и уйти
На пенсию. И внуками заняться.
Вот их удел. О большем не мечтают.
В деревне будущего Люба не имела.
И в городе такая ж канитель.
Когда другие люди узнавали,
Что фрезеровщицей работает она,
Глядели на нее, как на больную.
Ну, в продавцы, в кассиры, на заправку,
Ну, на худой конец, в уборщицы пойти...
Но на завод, чтоб у станка стоять?

Наверно, нужно быть последней душой.
И Любе приходилось уклоняться
И что-нибудь невнятно бормотать.
Но больше о заводе никому
Она не говорила. Стыдно было.
Ушла б с завода. Но тогда жильё
Искать ей надо. И зарплата не плохая.
По крайней мере, больше, чем на кассе.
А про техничек что уж говорить!
В деревню Люба деньги посылает.
И мать ее была так благодарна.
Теперь лекарства может покупать
И сына одевать других не хуже.
В кредит вот взяли плоский телевизор.
Такая красота! Все вечера глядят
Теперь они с Серёженькой программы.
И радовалась Люба каждый раз,
Поговорив по телефону с мамой.
И голос-то у мамы стал другой,
Каким-то громким, бодрым и веселым.

Однажды к ней Степаныч подошел.
С ним парень молодой лет двадцати пяти.

Глава двадцать восьмая
НАДЯ: ТЫ БУДЕЕШЬ ОТЦОМ:

Вспять не бежит к истокам
Даже простой ручей.
То, что с нею случилось,
Уже изменить нельзя.
К Лелю она привязалась.
Наверно, влюбилась даже.
Казалось, что лучше мужа
Ей уже не найти.
Только одна преграда.
Зато какая преграда!
Мешала соединиться.
Это его семья.
Надя уже понимала,
Что напрямую не надо.
Только испортит дело.
Надо быть осторожней.
И потихоньку, не прямо,
Путями окольными Леля
Вывести к точке конечной,
Чтобы расстался с женой.
Был он прекрасный любовник,
Ярый, неутомимый
И потому огорчался
Паузам в несколько дней.
Он предложил ей способ
Другой. И что здесь такого?

Многие это делают.
Здесь извращения нет.
Надя сопротивлялась,
А как-то его спросила:
– А вот тебе, интересно,
Делала это жена?
– Да так! Пару раз случилось.
Да как-то бледно! Без страсти!
– Ну, ладно! – кивнула Надя.
– В любви не бывает запретов.
Хотя мне ужасно стыдно.
Наверно, я не сумею.

Сумела! И как сумела!

-ТЫ БУДЕШЬ ОТЦОМ...

Он выл и стонал от блаженства.

– Такого со мной не бывало,

Наденька, никогда.

– Послушай, мой принц любимый!

Но так ведь детей не будет.

– Детей? А при чем тут дети?

О чем ты, моя любовь?

– Да знаешь, а я мечтаю

Родить от тебя ребенка,

Чтоб был на тебя похожий.

Я так бы любила его.

Ведь он твое продолженье,

Частица твоя, любимый.

И знаешь, последнее время

Я думаю часто об этом.

Задумался Ваня.

– Надюша!

Я как-то об этом не думал.

И правда, иметь от любимой

Ребенка – хорошая мысль.

– Так значит, что ты не против?

– Конечно, согласен, Надя.

Она обняла его крепко

И долго его целовала...

– А с отчеством можно, Ваня,
Твоим записать ребенка?

– Ну, ясно! А то с каким же,
Когда я его отец?

Не стали предохраняться.

Случилось, что должно случиться.

Но Наде этого мало:

Он нужен ей целиком.

Она без истерик, мягко

С ним разговор заводила

Всё чаще на эту тему.

– А знаешь, Ваня, ребенок

Спрашивать будет маму:

«Мама! А что наш папа

Так редко бывает дома?

Куда-то всё время уходит,

Приходит лишь только на ночь

Или даже на вечер».

Что мне отвечать тогда?

– Ну, я и не знаю даже.

Что-нибудь там придумай.

Ты не волнуйся, Надя!

Я всем обеспечу вас.

Ведь это же мой ребенок.

– Спасибо тебе, любимый.
А, может, сказать мне прямо:
У папы другая жена.
Он с нею живет. А мы же
Совсем не семья, а так.
– Ну, это, конечно, слишком.
Зачем же такое, Надежда?
– Да, ладно, совру, мой милый.
Ты даже не беспокойся.

Но эти иголки всё больше
Боль доставляли Лелю.

Глава двадцать девятая **ВЕРА ЖДЕТ РЕБЕНКА**

Утром срезать ветку вербы
И на стол ее поставить.
В доме сразу станет краше
И светлее, как на Пасху.
Гонит Юра-матерщинник
Вдоль по улице коров.
И собаки замолкают.
Словно чувствуют собаки
В Юре родственную душу.
Выйдет Вера, улыбнется.
Солнце светит, ветер гладит.

Петухи кричат задорно
И стрекочут воробьи.
И чего еще нам надо,
Что ж мы бьемся неустанно,
Суесловим и злословим,
Нервы наши, словно струны,
Лишь ударь по ним сильнее
И порвутся. И не песня
Зазвучит, а визг, как будто
Поросенка кто-то режет.
Вере же спешить не надо.
Переделает по дому,
А потом она присядет
И мечтает о ребенке.
Ей сказали: будет мальчик.
А какой? Похож на Вову
Только б не его характер,
Не болезненная блажь
Быть всегда на первом месте,
Чтобы все кругом визжали,
Чтоб цветы тебе бросали
И бюстгальтеры на сцену.

Это даже очень славно,
Что вот так всё обернулось.
Что ее ждало в грядущем?
Ссоры, ненависть, измены.
А ребенок всё бы видел,
Их скандалы он бы слышал.
Стал бы нервным, огрызался
И в истерику впадал.
А живот уже заметен.
А когда она выходит

В магазин, сто раз услышит:
– Ну, когда рожаеть, Вера?
– Срок придет, тогда родим.

Может, кто-то и злословит
И злорадствует, быть может.
«Стать хотела городской,
А домой вернулась с пузом».
Может. Каждому платочком
Рот, конечно, не закроешь.
Но не слышала ни разу
Над собой она насмешки.
Дома мама не кричала.
Ни единого упрека.
Ну, вернулась и вернулась.
Значит, так уже получилось.
Сколько девок незамужних
Так детишек нарожали!
Ничего! Живут не стонут,
С голоду не умирают.
Потихоньку подкупают
И пеленки, и одежду.
С рук в селе коляску взяли.
Как-то вечером сидели
И смотрели телевизор.
Там со звездами эстрады

Шел очередной концерт.
И внезапно побледнела,
Сжалась и застыла Вера
И глядит, не отрываясь,
На экран.

«О! мой зайчик! Я люблю тебя безумно!

Целый день тебя я глажу.

День и ночь тебя целую,

На руках тебя ношу».

С волосами голубыми,

В куцем пиджачке, колготках,

Чтоб бугор еще рельефней

Выделялся среди ног,

Он козлом скакал по сцене

В окруженье подтанцовки

И такую ахинею

Нес он голосом козлиным.

– Что с тобой случилось, дочка?

Смотрит мама напряженно.

– Может, что-то заболело?

Затошнило? Что с тобой?

– Ничего! Нормально, мама.

Выйду лучше на крылечко.

Вышла Вера и вздохнула

С облегчением на крыльце.
Словно груз с нее свалился.
Разогнулась, распрямилась,
Улыбнулось серой тучке.
– Ой! Какая всё же дура
Я была!

И засмеялась.

Глава тридцатая **ЛЮБА ЗНАКОМИТСЯ С САШЕЙ**

И растворился мрак во мраке,
И снова осветился мир.
Всё стало ярким, разноцветным.
Всем людям добрые слова
Сказать ей хочется.
– Забудьте
Ненастье!
Жизнь – такой подарок
Чудесный. Нет его дороже.
Когда она увидит Сашу,
То прыгать хочет, как ребенок.
О нем подумает, и сразу
Всё забывается плохое.
Да, он немного неуклюжий,
Порою даже несурзанный,

При ней краснеет, как девчонка.
То замолчит, то что-то мямлит.
Такой смешной и очень милый.
А мастер как доволен Сашей
И нахвалиться им не может.
– Вот никогда бы не подумал,
Что молодой парнишка может
Так разбираться в производстве.
А как станки он понимает!
Лишь в цех заходит, неполадку
Определяет он на слух.
И сам работы не боится.
Засучит рукава и быстро
Он неисправность устранил.
Да за такого нам держаться
Руками и зубами надо!
Скорей бы институт закончил
И к нам. Да только
Слишком скромный,
Застенчивый и угловатый.
Повысить голоса не может.
А здесь без этого нельзя.

Молчала Люба. Но такие
Приятно слушать ей слова.
Душа прекрасная у Саши.

Он добр, как агнец. Никому
Не скажет злого слова пареньь.

Глава тридцать первая **НАДЯ НА СТАНЦИИ**

Когда над пригородной станцией,
Как искры, звездочки горят,
Она порой сюда приходит
И на скамейке привокзальной
Сидит и думает своё.

Людей немного в это время.
Никто ее не беспокоит.

Лишь слышно лязганье вагонов,
Диспетчера суровый голос
Да сердца собственного стук.
Зачем она сюда приходит?
О том сама не знает Надя.

Ей хорошо здесь, потому что,
Как ни хитро было задумано,
Но всё завязло, как в болоте.
Пока одну поднимешь ногу,
Другой завязнешь, и ни шагу
Не продвигаешься вперед.
И вроде бы ребенка хочет,
И вроде любит, не скупится,
Но чтоб жениться – извините.

Весь извивается, как уж.
И то и сё ему мешает,
Пока не стоит торопиться,
Решенье этого вопроса
Пока оставим на потом.
Как бюрократ, волынку тянет.
Уж так ей измотал он нервы,
Что сдерживаться всё труднее.
Вот так сорвется как-нибудь.
Она все это понимает,
Хоть от бессилья вой волчицей.

Глава тридцать вторая

ВЕРА

«Твои глаза – два океана,
В которых можно утонуть!» -
Шептал когда-то ей любимый,
А ныне чуждый человек.
Ничто в душе не всколыхнется,
Когда подумает о нем.
А ведь любила, обожала,
За ним бежать была готова
Куда угодно, на край света.
Пожалуйста, хоть босиком.
Вот значит в жизни как бывает.
Любовь придет, про всё забудешь

И веришь до окончания века
С любовью этой проживешь.
«Какою глупой, романтической!
Как верила я в эти сказки
По-детски в вечную любовь.
Войди сейчас он, побежала,
В слезах на грудь его упала.
И целовала, и шептала
Ему, как я его люблю».
Картину эту представляя,
Она лишь горько усмехнулась.
Нет! Даже не пошевелилась.
Всё выгорела в ней дотла.
А во дворе сиренью пахнет.
Темно-зеленые листья
Тебя поглядят.
– Здравствуй, Вера!
Как хорошо, что ты вернулась!

А Фрэндик прыгает и ногу
Ее старается обнять.
И смотрит черными глазами
И ждет, когда его поглядят.
Собаки тоже любят ласку.
– Ну, здравствуй, Вера!

Оглянулась.

Стоит Василий у забора.

И улыбается какой-то

Он виноватую улыбкой.

– Ну, как дела?

– Да всё нормально.

– Ну, хорошо, когда нормально.

Так значит, скоро станешь мамой?

– А ты пришел спросить об этом?

– Да так... Вот мимо шел и вижу:

Ты во дворе. Давно ж не видел.

Решил вот подойти поближе.

Чтоб поглядеть и поболтать.

– А сам-то, Вася, не женился?

– Да нет! Да и на ком жениться?

Сама же знаешь: кончив школу,

Девчонки в город уезжают.

– А я из города вернулась.

Быть может, и другие тоже

Вернутся. И найдешь невесту.

На свадьбу, не забудь, позвать.

– Да я бы на тебе женился.

Других и даром мне не надо.

Глава тридцать третья
ЛЮБА И ДУНЯША

Соседка всё стирает и стирает.

А раз стирает, значит, снова кто-то

Испортил настроение ее.

Хоть в общежитье есть стиральная машина,

Но вечно занята она

Или сломается опять.

А слесарь долго не идет,

Ведь здесь калымом и не пахнет даже.

Что ж торопиться?

Подождут засранки!

– Ну, что опять случилось-то, Дуняша? –

Спросила Люба.

– Ой, как надоело

Всё это мне!

И тяжело вздохнула.

– Вон возле склада кто-то спер трубу.

Я виновата. Высчитали, гады.

И так копейки получаешь, еле-еле

Концы с концамиводишь. А охота

Купить чего-то вкусного. И туфли

Совсем уж истрепались у меня.

Но ведь беда одна ходить не любит.

Вон Толька-паразит

Запал на Ольгу.

Подсобницей работает на складе.

На морду так себе,
Зато такие сиськи
И задница.
Моих там три вместятся.
Как муха крутится вокруг нее.
А та, смотрю, хорошая давалка.
Ох, чует сердце, Тольку отобьет.
– А что ж вы не поженитесь, Дуняша?
– Да разве против я?
Он крутится, как уж.
Всё бубонит, что надо подождать,
Вот заработает, получит ипотеку.
Снимать жилье, так с голоду умрешь.
Уж три аборта сделала.

Плюется.
– Предохранялись бы!
– Ага! Он так не любит.
Мол, кайф не тот.
А на меня плевать.
Родить уж что ли?
Надоело всё!
А тут уж как никак
Душа родная.
Нет мужиков.
И это не мужик.

Им только б трахаться
Да водку с пивом пить.
А больше-то
Им ничего не надо.
– Зачем, Дуняша, так!
Не все ж такие!
И ты найдешь
Нормального мужчину.

Дуняша бросила белье. Со злостью
Глядит на Любу.
– Мне зачем
Нормальный? Я его люблю.
Другого же и даром мне не нужно.
Да ну вас всех!
Нашлись мне утешительницы тоже!
Сидела бы в деревне у себя!
Но в город понесло! В деревне
Все женихи уже перевелись?
Уйди ты от меня! Не утешай!

Глава тридцать четвертая **НАДЯ. РАЗРЫВ С ЛЕЛЕМ**

– В деревне липы пахнут медом.
Здесь камня и бензина дух.
Еще пытаются учить нас.

Вот так! Для них мы низший сорт.
Ах, Ваня! Ваня! Милый Ваня!
Тебя люблю я. Ну, и что же.
Любовь мне горе принесла.
Я для тебя была игрушкой,
Красивой и забавной куклой.
Во мне увидеть человека
Ты даже не пытался, Ваня.
– О чем ты?

Лель глядит угрюмо.
– Фантазии одни.
Я только
Люблю тебя.
Ты это знаешь.
И всё я делал для тебя.
И для ребенка буду делать.
Сполна всё дам вам.
Будь спокойна!
– Да как же не поймешь ты, Ваня?
Ты нужен мне весь целиком.
Не деньги, не твои подачки...
– Подачки?

Он поднялся с кресла.
– Какой же я дурак. Однако!

Твой хитрый план не разгадал.
Вот и девчонка из деревни!
Ты фору дашь любой. Как ловко
Всё закрутила!
– Ты о чем?

Глядит испуганно на Ваню.
– В чем ты меня подозреваешь?
– В чем? Ты даже тут хитришь. Но больше
Не проведешь меня уже.
Ты план, конечно, хитроумный
Задумала. Всё изначально
Спланировала, рассчитала.
Сплела такую паутину,
Как муху глупую поймала.
Дурак! Конечно же, мужик богатый.
Прельстить его, захомутать,
Чтоб бросил он семью, женился.
А как он женится, то сразу
Любовником обзавестись.
И даже если он узнает,
Совсем не страшно. Разведемся.
Отдать от должен половину
Всего, что только он имеет.
Не половину! Больше даже!
Две трети! Есть еще ребенок.

– Ты это...

Надя отступила.

– Серьезно? Или пошутил?

Нет! Так не шутят!

Зарыдала.

– Уйди! Я не желаю видеть

Тебя! И не желаю слушать!

Уйди!

– Конечно же, уйду!

– Нет!

Надя слезы вытирает.

Смеется он.

– Здесь всё твоё.

Твоя квартира, мебель, телевизор,

Посуда и плита на кухне.

– Здесь ты хозяин.

Вещь одна

Принадлежит тебе не может.

Я эта вещь. Но этой вещью

Ты больше, Ваня, не владеешь.

– Прислать такси или пешочком

Сама дойдешь? Дорогу знаешь?

Но Надя молча собирала
Одежду в сумку.
С этой сумкой
Она явилась из деревни,
Желая город покорить.
– Ну! Ну! – кивнул
И хлопнул дверью.
Всё! сумка собрана. Присела.
И засмеялась.
– Ну, и дура!
Какой же глупой я была!
И ладно!
Так нам девкам надо!
А то губу-то раскатила!
Богатой стала! Фу ты! Ну, ты!
Я за границей отдыхаю.
Шофер катает персональный
На фитнес, в модные салоны,
По вечерам же рестораны,
В которых за один лишь вечер
Спускаешь столько, что доярке
Не заработать даже за год.
Да! Сумочка немного весит.
И на автобусе доедешь.
С души как будто бы свалился
Тяжелый камень. Улыбаясь,

Она идет по тротуару.
Одега просто, но со вкусом.
Уже живот чуть-чуть заметен.
И смотрят встречные мужчины
Так плотоядно на нее.

Глава тридцать пятая **ВЕРА. ПОРА РОЖАТЬ**

Видно жизнь хорошая
У сельчанок здешних!
Вечером на лавочке
Сядут, как наседки,
Языками чешут,
Семечки клюют.
Все узнаешь новости
Местные от кумушек.
Сны свои расскажут,
Телесериалы,
Даже о политике
Порой поговорят.
А представьте в городе:
Все по норам спрячутся,
Никакого дела
До соседей нет.
Всё в деревне общее.
Есть и злопыхатели.

Люди всё же разные.
Что тут говорить!
– Ой! Смотрите «скорая»!
А к кому торопится?
Ой! Смотрите к Веркину
Дому. Значит, срок
Подошел. И точно
Варя вышла с Веркою.
Вот! Дождалась внуков!
– Нынче это быстро.
И без всякой свадьбы.
Сколько одиночек
Развелось у нас!
С мужиками туго.
Всё, что поприличней
По рукам прибрали,
И остались только
Алкаши одни.

«Скорая» рванула.
Помахали Верке.
– Ну, иди, Варвара!
Что там расскажи!

Варе уж за сорок,
Темная, худая,

Мужиков, конечно,
Уже не привлечет.
Села на скамейку.
– Вот такое дело!
Увезли в роддом.
А давно ли Верка
Бегала соплюхой,
С куклами играла.
Время как летит!
– Это точно, Варя, -
Ей кивают бабы.
– И сама недавно
Молодой была.
– Ой, да я-то ладно!
Мне чего ведь надо:
Лишь бы только Верке
Было хорошо.
Внуку или внучке
Крепкого здоровья,
Чтоб нужды не знали
И как люди жили.
– Это так! – вздохнули.
– Время птицей мчится.
Не успеешь глянуть,
Жизнь уже прошла.

Глава тридцать шестая

ЛЮБА И САША

С неба яблоко упало.
Надкуси, мой дорогой!
Надкусил, как на мадонну,
Смотрит, затаив дыханье.
И три самых главных слова
Он сказать сейчас ей хочет,
Но никак не наберется
Духу, чтобы ей сказать.
И в глаза глядеть не может.
Лишь украдкой, как воришка,
И уверен, если глянет
Он сейчас в ее глаза,
Сразу всё понятно станет,
Не нужны слова любые,
Ведь глаза соврать не могут,
Даже если врут уста.
– Поздно, Саша.

Со скамейки
Поднялась устало Люба.
– Знаешь, в общежитье строго.
Комендантский час у нас.
Опоздаешь, комендантша
Докладную сразу пишет

И инспектору по кадрам
Отдает ее она.
Та еще суровой будет,
Пропесочит, отругает,
Пригрозит: «При повторенье
Сразу вылетишь, как пробка!»
– Понимаю, – молвил Саша.
– Провожу тебя? Не против?
Я-то комнату снимаю.
Хоть во сколько приходи!
– Я бы тоже. Только деньги
Посылаю я в деревню.
Моя мама – инвалидка.
Подрастает младший брат.
– Понимаю! Понимаю!

Молча он шагает рядом...
За руку не смеет даже
Взять. Вздыхает и молчит.
– Ну, пришли! – сказала Люба.
– До свидания!
– До завтра!
– До свидания! А знаешь,
Я хотел тебе сказать.
Я живу один в квартире.
Комната с перегородкой.

И в двухкомнатной квартире,
Получается, живу.
Мне две комнаты не надо.
И одной вполне хватает.
Может быть, вторую, Люба,
Ты займешь? Там есть кровать,
Шифоньер и телевизор.
Кухня есть и ванна с душем.
Вот такое, значит, дело.

Тут же Саша напугался,
Побледнел, застыл на месте.
– Нет! Ты только не подумай,
Что я что-нибудь чего-то.
Даже в мыслях нет такого,
То есть я, наверно, зря
С этим глупым предложеньем.
Не подумал. Глупость брякнул.
Если я тебя обидел,
Ты прости меня. Я глупый.
И не знаю, как я должен
С девушкой говорить.

Люба тихо засмеялась,
Рот ладошкой прикрывая,
И глаза ее смеются.

– Я уверена, что нынче
Нет таких, как ты, – сказала.
– Ты, как будто, Александр,
Из далеких лет явился.
– Да мне тоже говорили.
Я какой-то малахольный
И совсем несовременный,
Что таких, как я, клюют
Все, кому не лень... Конечно,
Мямля я и трус, наверно.
И тебе со мною скучно.
Я же серый, не умею
Пошутить, развеселить.
– Это что еще такое?
Может быть, сейчас заплачешь?
Ты прекрасный, смелый, умный,
Просто ты себя не знаешь, -
Так сказала громко Люба,
Каблучком сердито топнув.
И за шею обхватила,
И на цыпочки привстала,
В струнку вытянулась Люба
И его поцеловала.
Он еще поверить в это
Не успел – ее уж нет.
Только стук дверей услышал.

Может, всё ему приснилось?
Нет! Совсем и не приснилось.
Всё случилось в самом деле.
Он бы в пляс сейчас пустился,
Если бы умел плясать.
Он по городу ночному
До глубокой ночи бродит.
Улыбается прохожим.
Те спешат в недоуменье.
Может, это псих какой-то.
Разве можно улыбаться
Незнакомым просто так?
Жизнь прекрасна. Он так счастлив.
Эх, запеть бы! Но сдержался.
«Люба! Любочка! Голубка!
Как же я люблю тебя!
Нет тебя на свете лучше!
Красивей ты всех красавиц!
Счастлив я!»
Он засмеялся.
Вот и дом, где он живет.

Глава тридцать седьмая

НАДЯ В РАЙЦЕНТРЕ

Пока весенний колокольный звон
Разносится по городу кругами,

Почувствовала Надя, что в душе
Какой-то перелом произошел
Она сейчас совсем уже не та.
Какая-то уверенность и мудрость
В ней поселились.
Сейчас другой родился человек.

Автовокзал... Народу же! На митинг
Попробуй столько собери людей!
«Ну, вот считай, что я почти что дома!»
– Надежда! Ты ли это?

Обернулась.
Пред ней Марина
С сумкой вот такующей!
С Маринкою работала на дойке.
– Да! А тебя сейчас и не узнать.
Такая городская стала вся.
Ты изменилась. Ты красавица такая!.
Ты в гости, Надя? Маму навестить?
– Да нет! Решила вот назад вернуться.
Не прижилась я в городе чего-то.

Нос у Маринки даже покраснел
И, сумку на пол опустив,
Подняла руки. Хлопает глазами.

– Да как же так? В деревне говорят,
Что за богатого ты замуж вышла, Надя.
Катаешься на дорогих машинах.
Вся в золоте. И во дворце живешь.
– Вранье всё это!

Надя отмахнулась.

– Там богачи сидят и только ждут,
Когда невесты к ним приедут из деревни.

А тут другая женщина подходит
Из их деревни.

– Ой! Едва признала.

Как изменилась ты, Надежда! Не узнать.

Уж не девчонка. Женщина. Решила

Свою деревню, значит, навестить?

А что же на автобусе ты едешь,

Не на машине? Для таких автобус,

Как я или Маринка, нищобродов.

– Я тоже нищобродка, тетя Оля.

Вот в этой сумке всё мое богатство.

– Смотрите! Надя!

Вот еще знакомый.

А там еще, еще, как будто полдеревни

Сегодня на вокзале собрались.

Ах, да! Ведь пенсию сейчас дают.
Понятно! И в ЗАО-то получку тоже дали.

Глава тридцать восьмая **ВЕРА ХОРОНИТ РЕБЕНКА**

Стоит наш батюшка на камушке,
Поет прощальную молитву.
Хотя младенец некрещённый,
Греха он совершить не мог.
Лежит он в гробике, как куколка.
Из-за цветов не видно личика.
В своей короткой детской жизни
Он «мама» не успел сказать.
Бог дал, бог взял – как говорится.
Но как вы объясните матери,
В глазах которой свет померк
И жить не хочется ей больше,
За что страдания великие?
Уж лучше б смерть ее прибрала.
Она грешна. Она виновна.
Как будто душу оторвали
И тоже в землю опустили.
А впереди лишь мрак кромешный.
Утрачен смысл бытия.
Остался только малый холмик.
И всё! А мать сожгла пеленки,

Пинетки в печь и распашонки,
Коляску отдала мальчишкам,
Чтоб ничего случайно дочке
О горе не напоминало.
Вот и понянчилась с внучонком.
Уж лучше Бог ее б прибрал!
Лежала Вера трое суток.
Еды совсем не принимала.
Лицо у дочки почернело
И не осталось больше слез.
В конце концов не удержалась,
Присела мать к ее кровати,
Погладила ее, а Вера
Глядит безмолвно в потолок.
– Какое горе! Только, Вера,
Нельзя так сильно убиваться.
Гневишь ты этим только Бога.
Тебе послал Он испытанье,
Должна ты выдержать его.
Жизнь продолжается. Всё будет.
И радости, и горя много
И близких смерть.
Так мир устроен.
На это нечего роптать.
Смирись же, Вера! Будь покорна
Ты Божьей воле!

– Ладно, мама!
Я всё отлично понимаю.
Не уговаривай меня!
Болезнь проходит. Горе тоже!
Переживу! Не бойся, мама!

Тут дверь тихонько закрипела
И приоткрылась. В черном Надя
Стоит смиренно у порога.
– Ну, ты чего застыла, Надя?
Пришла так проходи давай!

Подруге Вера улыбнулась,
Приподнялась.
– Не знаю даже,
Быть может, я пришла некстати.
Скажите, сразу я уйду.
– Да проходи, ей Богу, Надя!
Ведь ты же Верина подруга.

Прошла. А Вера на кровати
Присела. Тихо улыбнулась.
– Я вижу у тебя животик.
– Да вот всё как-то получилось.
– А где отец? С тобой приехал?
– Да нет! Женатый он.

– Кобель?

– Ну, где-то так.

– Смотри, как складно

У нас с тобою получилось.

Пожили в городе, ребенком

Успели мы обзавестись.

Да только моего... Да ладно!

Словами горю не поможешь.

А знаешь, что...

Глядит на маму.

– А в доме есть у нас вино?

– Ну, это... сделаю, девчонки.

Я быстро. Вы уж приготовьте

Себе тут что-нибудь на стол!

Сидят они до поздней ночи

Две закадычные подруги,

Две деревенские девчонки.

То посмеются, то поплачут.

И говорят о том, о сем.

Они теперь уже другие,

Мудрее стали, посерьезней.

И каждая себе сказала:

– Какой же душой я была!

В окно на них луна глядела.
И звезды им мигают. Что уж!
Жизнь продолжается, девчонки.
Вы только душу сохраните,
Не истреплите по углам!
Кто знает, что там будет дальше.
И счастье будет, и ненастье.
Отчаиваться же не надо.
Ведь это очень тяжкий грех.

Глава тридцать девятая ЛЮБА ЕДЕТ ДОМОЙ

Конечно, родилась я поздно,
Не современная совсем.
И как на белую ворону,
Другие смотрят на меня.
Сейчас не так, как пишут в книгах.
Девчонки раскрепощены.
Ночные клубы, вечеринки,
Без всяких обязательств секс.
Бери от жизни всё, что можешь —
Девизом стало молодых.
Как можно больше удовольствий!
Оставь проблемы для других.
Но сыр бесплатный в мышеловке
Бывает только, и за всё

Платить приходится. И плата
Бывает эта велика.
Хотя я не права, наверно.
Кто обобщает, упрощает.
И в многоцветье одноцветье
Увидеть только может он.
Жить надо так, чтоб не стыдиться
Своих поступков. Остальное
Не так уж важно. А за модой
Гоняться тоже, что за тенью.

Она уже постель стелила.
И тут звонок. Какой-то номер...
Она его впервые видит.
Кто это может ей звонить?
– Ой, Люба! Здравствуй! Тетя Маша,
Твоя соседка. Не узнала?
Ну, как дела твои, Любаша?

У Любы сердце защемило.
– Да что случилось, тётя Маша?
– Ой! Только не переживай!
Да так оно нормально вроде.
Сережка учится неплохо.
– Да говорите, тетя Маша!
Случилось что-то с мамой? Ну!

– Да. Приступ был. Она в больнице
Сейчас лежит. Ну, а Сережка
У нас. Такие вот дела.
– Всё так серьезно?
– Ой, не знаю.
Но всё же позвонить решила.
Такие вот дела, Любаша.
За братика не беспокойся!
Он поживет пока у нас.
Вот так.
– Спасибо, тетя Маша.

Всю ночь она без сна лежала
И плакала. А ранним утром
Уже стояла у дверей.
Ждала инспекторшу по кадрам.
Пришел Степаныч, запыхался.
– Конечно, Люба. Понимаю.
Такое дело. Всё же мама.
Ну, это, Люба... Возвращайся,
Как это, значит... Как родная,
Ты, это... стала для меня.
И это... вот возьми немного.
Ребята наши подсобрали.
– Зачем?

И старческую руку

Отодвигает от себя.

– Ты это... так не надо, Люба.

Обидеться ребята могут.

У нас традиция такая

Всегда друг другу помогать.

– Ну, правда, лишнее.

Зачем же?

Получку вот недавно дали.

– Да знаю я твою получку.

Бери, тебе я говорю!

Тут молча Саша подошел,

Сказать хотел он что-то Любе.

Но мнется, не промолвит слова.

– Спасибо вам! – сказала Люба.

– Всё! до свиданья! Мне пора!

– Чего ты встал? – шепнул Степаныч.

– Как чурка хлопаешь глазами?

Ну, ты мужчина или тряпка?

Беги, скажи ей что-нибудь!

Она шагает к остановке

И ничего она не слышит.

Догнал ее и, задыхаясь:

– Я, кажется, люблю тебя.

– А если кажется, то, Саша,
Крестится надо!

И в автобус,
Что замер и по-джентельменски
Пред нею двери распахнул.
Она лишь вечером добралась
До Чернореченска. В больнице
Сказали; пусть приходит утром.
Сейчас ее уже не пустят.
Таков порядок.

– Но скажите,
Хотя бы, как она.
Я дочь.
– Поймите, девушка, – сказала
Ей медсестра.
– Я лишь дежурю.
Не лечащий я врач.
– Но всё же!
Как мама чувствует себя?
– Давайте поглядим!

Листает.
– Вчера ей камни удалили.
В реанимации она.
– А состояние какое?

– Ну, вот выходит, что не очень.
– Пожалуйста, хотя б глазочком
Позвольте на нее взглянуть?
– Да как вы только не поймете:
Нельзя!
– Всего одним глазочком!
Я даже заходить в палату
Не буду. Умоляю вас!
– А мне потом влетит за это.
– Я столько не видала маму.
Ну, разрешите хоть взглянуть?
– Ну, ладно! Вот халат, бахилы.
Лишь через дверь. Нельзя в палату!
Идемте!

Мамочка родная!
Как похудела, почернела,
Лежит и глаз не открывает.
Да хоть живая ли она?
Позвать ее хотела: мама.
И еле-еле удержалась.
Пошла. Куда идти? Не знает,
Где эту ночь ей переждать.
Одно лишь место – на вокзале.
Хоть есть знакомые, но как-то
Ей неудобно завалиться:

– Позвольте переночевать!

Глава сороковая

НАДЯ. ПРИВОЗЯТ ИЗ РОДДОМА

Когда отхлынут холода,
И снег просядет, почернеет,
Как бриллианты засверкают
Сосульки на карнизах крыш,
Опять поверить в перемены
Душа желает. Всё плохое
Пушкой растает, как сугробы,
Уйдет, как талая вода...

Таким погожим днем весенним
Вернулась Надя из роддома.
Привез сосед ее на «Ниве».
И не одну. С крикливым свертком.
А у крыльца ее подруги
Встречают так, как будто Цезарь
Вернулся в шумный Рим с победой
Над беспокойными врагами.
И где они цветы достали?
Как будто бы оранжерея
У них в деревне существует.
Визжат и прыгают, как дети.

Передают из руки в руки,
Как эстафету, этот сверток.
– Ой! Вылитая тетя Зина.
– Нет! Мамин носик, подбородок!
Ну, вырастит такой красавец,
Всем девкам сердце разобьет!

Одна стоит в сторонке Вера.
Такое хмурое лицо.
Вот-вот она сейчас заплачет.
К ней Надя подошла и молча
Младенца протянула ей.
Сначала Вера испугалась,
Попятилась, уперлась в стенку.
– Возьми! – сказала тихо Надя.

Испуганно взглянула Вера.
Хотела сразу отказаться.
Но бережно взяла малютку.
Открыла личико, глядит.
– Какой хороший!

Улыбнулась.
А по щеке бежит слезинка.
И тихо Вера засмеялась.
– Смотри! Он что-то говорит!

– Ну, что сказать еще он может?
Кормить пора. Проголодался.
Ну, что стоим мы перед домом?
Давайте заходите, девки!

Одни на стол взялись готовить,
Другие помогают Наде. И счастье
У них написано на лицах.
Еще бы! Ведь свершилось чудо.
Свидетельницы новой жизни
Они сейчас. И нет важнее,
Дороже этого момента.

Глава сорок первая

ВЕРА И ВИТЯ

Витя – очень знаменитый
В районе тракторист.
Что ни месяц, то в «районке»
Фотография его.
Хоть комбайн давай,
Хоть трактор,
Хоть бульдозер,
Всё он любит.
Всё обшарит, всё почистит,
День и ночь работать может.
Губернатор был на поле,

Жал он Вите крепко руку,
По плечу он Витю хлопал
И хвалил его. А грамот!
Как обоями, обклеить
Можно целую квартиру.
Вот такой он знаменитый!
Он бы мог найти девчонку,
Но совсем не напрягался,
Потому что лишь о Вере
Были думы у него.
А когда она вернулась,
Он обрадовался сильно.
Что с того, что от другого
Был ребенок у нее.
Жизнь-то – не прямая тропка,
Много всяких загогулин,
То на горку, то под горку,
То вообще дороги нет.
Он под окнами у Веры
Просидеть мог до рассвета.
Если б только не работа,
То вообще б не отходил.
– Ты чего к ней привязался? –
Говорила сыну мама.
– Тоже мне нашел невесту.
Что там в городе она

Вытворяла, мы не знаем.

Витя сразу погрустнеет,
Хлопнет дверью и уйдет.

И спросят меня у двери, куда приду:

– И зачем нам эти истории?

Мало ли что с кем происходит.

А нам зачем об этом знать,

Как три деревенских девчонки,

Не отмеченных талантом

Или богатым умом,

Хотели стать счастливыми?

Ну, покантовала их жизнь, помяла.

А зачем нам об этом знать?

У нас своих проблем по горло.

Но только о нас вот не пишут книжек

И фильмов про нас не снимают,

И песен о нас не поют.

Наверно, вы совершенно правы

И нужно было писать не о них,

А о том, как ведущая «Дома-2»

Отдыхает на курортах Испании,

Как бывшая балерина позирует ню,

Выставляя на обозрение прелести.

Может быть, найдется богатенький буратино

И кинется, давясь горячей слюной.
Или о поп-певице,
Какой у нее дворец,
Что она до сих пор не сосчитала,
Сколько же в нем комнат.
Только о них все пишут.
В глянцевах журналах – о них,
По телевидению чуть ли не каждый день.
Про интернет и говорить не будем.
А вот об этих девчонках
Никто не писал.
Папарацци за ними не гоняются.
И девяносто девять и так далее процентов людей
Ничего не знают про Веру, Надежду, Любовь.
И что самое удивительное:
Они нисколько не обижаются,
Что совершенно обделены вниманием
Средств массовой информации.
А я вот, не спросив их согласия,
Взял и написал о них.
Им, конечно, это не понравится,
Как и всем остальным. Ну, и пусть!
Мне с ними было интересно.
Я хотел записать их мысли,
Проговорить их переживания,
Прожить их жизни. Вот и всё!

Глава сорок вторая

ЛЮБА. ПОХОРОНЫ МАТЕРИ

Хоронить – не боронить.

Закопали, крест поставили.

И остался холмик глины

На земле от человека.

– Вот и всё. Теперь без мамы

Мы с тобой вдвоем остались, -

Говорит братишке Люба.

– Сильным будь, ведь ты мужчина.

Брат прильнул к сестре. Не может

Он понять никак, что маму

Он живую не увидит.

Нет! Поднимется и снова

Возвратится. А иначе

Быть не может. Не бывает,

Чтобы мама вдруг исчезла.

– Мамочка! Вернись! – он плачет.

– Никогда тебе плохого

Не скажу теперь я слова.

Буду делать всё. что скажешь.

– Ну, довольно! Хватит плакать.

Все ушли уже, Сережа.

Надо тоже возвращаться

Нам домой. Обед прощальный
В нашем доме. Понимаешь?
– Понимаю.

Кто-то сзади
Кашлянул
И взял за локоть.
Люба резко обернулась
И глазам своим не верит.
– Саша! Ты? Да как же это?
– Вот решил к тебе приехать.
Не могу себе представить
Своей жизни без тебя.

И втроем пошли в деревню
В дом, где стол их ждал печальный.

Глава сорок третья **НАДЯ. ВСТРЕЧА С ОДНОКЛАССНИКОМ**

Вот и зима кончилась.
Поехала Надя в райцентр.
Надо что-то весеннее
Купить из одежды себе.
Ходит она по базару.
Долго стоит у прилавков.
Цены здесь всё же пониже,

Чем в магазинах. Купила
Курточку и сапоги,
Сыну Алеше детское,
Мяса немного, масла.
Вот и считай, от полочки
Осталось почти ничего.
С сумкой идет к вокзалу.
Рядом остановилась
Синяя иномарка.
– Надежда! Привет!

Поглядела.

Федя – ее одноклассник.
Был он тихим мальчишкой,
Худеньким, круглолицым.
Теперь настоящий мужик.
Еще и усы отрастил.

– Ну, как поживаешь, Надежда:

– Нормально. А ты?

– Потихоньку.

Вижу идешь к вокзалу.

– Ну, да! На автобус.

– Понятно.

Слушай,

Зачем на автобус?

Садись! Довезу до дома.

– Но ты в Нестеровке же вроде?

– Ну, да! А какая разница?

Подумаешь, километров

Пару десятков лишних.

И сумка, смотрю, тяжелая.

Он вылез, открыл багажник.

– Да как-то мне неудобно.

И денег почти не осталось.

– Надя! Ну, что такое?

Обидеть меня желаешь?

Я разве похож на барыгу?

И сумку из рук берет.

Положил ее в багажник.

– Давай залезай быстрее!

Домой? Или хочешь куда-то

Еще? Завезу! Скажи!

– Домой.

– Ну, тогда погнали!

Глядит на него Надежда.

Да! Парнем он вырос видным.

Просто красавцем стал.

– Женился, наверно, Федя?

– Да как-то всё не выходит.

Да и сказать по правде,
Хороших девчонок нет.
Одни малолетки. Школу
Закончат и сразу в город.
А ты, я слышал, вернулась?
– Вернулась. Есть сын у меня.
– О сыне я тоже слышал
С мамой живешь?
– Конечно.
А где ты работаешь, Федя?
– Работал немного в ЗАО.
Да фермером стать решил.
Бычков держу на откорме.
Коровы есть, свиньи. Сегодня
Бычков привозил на сдачу.
И хоть заработал неплохо,
Кредиты надо платить.
Но думаю лет так этак
На ноги встану крепко.
Не думай, что похваляюсь.
Знаешь, какой азарт!
– Что ты один справляешься?
– Нет! Тут один не успеешь.
Своих нанимаю в деревне.
У нас безработных много.
Но контингент ненадежный.

А где здесь других найдешь?

Мелькают посадки, машины.

«Вот никогда б не подумала,

Что Федя, такой тихоня,

И на тебе, фермером станет.

Да! Время людей меняет».

– Не против ты будешь, Надя,

Если сверну на заправку?

– Да что ты! Какое против!

Ты здесь хозяин, не я.

Заправились. Федя вернулся.

Как фокусник, из-за спины

Достал он букет.

– Не подумай,

Что с умыслом. Я же богатый.

Сегодня могу позволить

Девушке сделать подарок.

– Ну, Федя! Спасибо, конечно.

– Да, ладно! Тебе спасибо!

– А мне-то за что?

– Ну, знаешь...

За то, что ты есть на свете.

Я рад, что тебя я встретил.

Ты нравилась мне всегда.

– Не надо об этом, Федя!
– Пожалуйста! Всё! Не буду.
Вырвалось. Но от сердца.

И всю остальную дорогу
Молчали они. И каждый
Думал своё. Ни разу
Он не взглянул на нее.
Подвез до самой калитки.
– Давай занесу я сумку!
– Не надо! Спасибо, Федя!

И вдруг для себя неожиданно
Чмокнула Федю в щеку.
Сумку схватила и быстро
Почти что бегом к крыльцу.
– Зачем я сделала это?
Вот дура! Сама не знаю.

Ей стало легко и весело
И рассмеялась она.
Федя захлопнул багажник.
– Что это было, однако?
Решила она посмеяться?
Или такой расчет?

Поехал и всю дорогу
Думал он о Надежде.
«Это моя Надежда.
Другой мне надежды не надо.
Вот заглянуть бы ей в душу,
Что у нее на сердце.
Можно ли мне надеяться.
Был бы такой прибор:
Наводишь его на девушку,
Кнопочку там нажимаешь,
И сразу понятно всё».

Глава сорок четвертая **ВЕРА. С ВИТЕЙ В МАШИНЕ**

Недавно Верина мама,
Глядя на дочь исподлобья,
Сказала:
– Ну, сколько можно
Уже убиваться, Вера?
Этим гневишь ты Бога.
Жизнь продолжается дальше.
Ты о себе подумай.
Вся еще жизнь впереди.

Вера грустно взглянула.
– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду я Витьку.
Я по глазам вижу.
Глаза никогда не обманут.
Или мечтаешь снова
В город что ли уехать?
– Да ни о чем не мечтаю.
Кому я нужна там в городе.
Только что ж ты не спросишь:
А я-то люблю его?
– Ты одного полюбила.
– Не надо об этом, мама.
– А почему не надо?
Где он, возлюбленный твой?
Ребенка заделал и скрылся.
Вот уж любовь какая!
Ладно! Живи, как хочешь.
Сердце ты мнерываешь.
Мать же, конечно, дура.
Что же слушать ее.
– Мама!
– Не буду! Не буду!
Больше ни слова об этом
Не буду тебе говорить.

Три дня она Вере слова
Ни одного не сказала.

Обиделась мать на дочку.
Да что же за жизнь такая!
Из магазина Вера
Как-то в обед возвращалась.
Ходила до этого в школу.
Заняли место ее.
В ЗАО что ли дояркой?
Не выдержит дня, уж точно.
Это лишь Надька трехжильная
Может работать там.
Может, в райцентре работу
Ей поискать? Продавщицей?
Вон магазинов там сколько!
Но надо жильё снимать.
И будешь жить на копейку.
И маму одну оставить
Тоже не хочется Вере.
Не знает, как поступать.
Тут «жигули» тормознули,
И Витька выскочил чертом.
Радуеться. Улыбаясь:
– Позвольте вас довести?

Села.

– Откуда машина?

– Вчера вот купил. Объезжаю.

– А мы такие богатые?
– Не жалуясь. Есть кое-что.
А, может, давай прокатимся?
– Ага! До ближайших кусточков.
– Эх, Вера! Какого мнения,
Однако, ты обо мне.
– Забыл, как когда-то лапал
Ночью меня на дороге.
Тащил. Едва убежала
Тогда от тебя домой.
– Ты это... Прости за это!
Ну, выпил тогда с ребятами.
А я же не пью. И крышу
Как будто сорвало тогда.
– А знаешь, машину, Витя,
Конечно, объездить надо.
Давай покатаемся что ли?
Дома-то делать нечего.

Виктор ажно подпрыгнул.
Резко газу добавил.
– Ты только лихачь, но не очень,
А то разобьешь машину.

А он на седьмое небо
Как будто взлетает. От радости

Готов он горланить песни.
Еле сдержал себя.
Ехали вдоль посадки.
Потом по дороге неслись
Потом полевой дорогой,
Свернул и через околок.
– Ой, Витя! – сказала Вера.
– Останови машину!
– Что-то, Вера, случилось?
– Плохо тебе?

На месте
Машина застыла. Вера
К нему повернулась и крепко
Его обняла за шею.
И долго взасос целовала.
Он сразу поверить не мог.
– Родная! Любимая! Вера!
Люблю я тебя безумно!

Целует ей щеки, шею,
Как будто сошел с ума.
– Да я же носить тебя буду!
Да я же любить тебя буду!
Я сделаю всё, что скажешь!
Да я за тебя на всё!

Хочешь сожгу машину?

Ну, хочешь?

– Какой же ты глупый!

Причем тут машина, Витя?

Не надо ее сжигать.

А кресло не опускается?

– Я это... сейчас всё сделаю...

– Какой-то нетерпеливый!

До погоди! Я сама!

– Всё будет, знаешь, как?

Как в сказке лишь бывает.

Тебя я буду на руках носить.

И дети... Сын и дочь.

Нет! Трое. Даже четверо.

Построю новый дом.

Так, Вера, заживем,

Что обзавидуется вся деревня.

– А я опять пойду техничкой в школу,

До блеска буду драить пол,

Белить и красить. Поливать цветы.

А в праздники дежурить.

– Ты что решила посмеяться надо мной? Домохозяйкой будешь. Это слово

Не очень я люблю. Тебе работы хватит.

Уж будь уверена, я буду помогать.

Но из меня помощник-то неважный.
Сама ты знаешь, как весна придет,
Не выходных, не проходных не будет.
– Ну, Витя, помечтали и довольно.
Что было между нами позабудь.
Тебя я не люблю. Ты понимаешь?

У Вити рот раскрылся. Онемел.
Глаза расширились. Глядит на Веру
– Ну, все! Теперь поехали домой! –
Ему сказала Вера.
– Или же до ночи
Собрался здесь торчать?
– Постой! Ты шутишь.
Так же не бывает.
Не верю я тебе. Ты не такая!
Чтоб без любви?
Да быть того не может!
Зачем ты мучаешь меня?
Не надо, Вера!
– Поехали! Я всё тебе сказала.
– А! Понял я. Как сразу не дотумкал?
Ты снова в город собираешься.
Ведь так же?
Еще ты веришь,
Он к тебе вернется.

Как же зовут его? Не знаю я.

Вот где собака-то зарыта. Всё понятно.

Конечно, городской.

Умней меня.

Куда уж нам,

Деревни состязаться.

Ну, да! Ну, да!

Какой же я дурак!

Как размечтался!

Хвост тут распустил.

Ты надо мной

Решила посмеяться.

Ну, что же смейся!

Я же дурачок!

– Поедем мы, в конце концов,

Мой милый?

– Постой! Постой!

Не может быть такого,

Что так вот без любви

Ты отдалась. Не верю!

– А ты поверь!

– Ну, объясни тогда!

Чего-то я никак не понимаю.

– Я ничего не буду объяснять.

Всё! Кончили болтать!

Домой пора!

Поехали!

Молчали всю дорогу.

И молча Вера вышла из машин.

Он с места так рванул,

Что Вера напугалась.

И нехорошее предчувствие:

«Зачем

Ему я это всё наговорила?

Ну, дура!»

И уже хотела

Бежать за ним.

«А что ему скажу?

Что это я по глупости болтала?

Что ни в какой я город не поеду?

Что я его люблю?

Но это же не так!»

Глава сорок пятая

ЛЮБА. ЗАЧЕМ ПРИЕХАЛ САША

Зеленая листва.

Поезда синие и белые.

Раньше здесь останавливались

Поезд и электричка.

Сейчас не останавливаются.

Там посчитали, что это

Убыточно для железной дороги.

По неведомой причине
(Не дано ее понять)
Встретятся два человека,
Словно их вела звезда.
Две тропинки, что бежали
Друг от друга вдалеке,
Сблизятся, пересекутся
И тропой единой станут.
Значит, что-то есть такое,
Что сближает наши души,
И не властно расстоянье
Изменить судьбу людей.
Всё душа чего-то ищет,
Всё душа чего-то жаждет
И какой-то смутный образ
Перед нею возникает.
Вдруг, как молния, ударит,
Словно гром, расколется небо,
Вот оно – свершилось чудо!
– Ты зачем приехал, Саша?
– Без тебя я, как в пустыне,
Без тебя я, как без света,
Плотным мраком окруженный.
– Ты стихов не пишешь, Саша?
– Как-то пробовал. Так глупо

Получилось, стыдно стало.
В ключья изорвал листок.
– О Степаныче подумал?
Разобьет его инфаркт.
Он тебя, как сына, любит,
Без тебя он, как без рук.
– Подошел ко мне Степаныч,
Говорит; «Ну, что ж ты, Саша?
Я тебя не понимаю.
Почему ты здесь еще?
Должен ты за нею ехать,
Как стрела, лететь ты должен.
У нее случилось горе.
Кто ее сейчас поддержит?
А потом вдвоем вернетесь».

Люба грустно улыбнулась.
– Как уеду я отсюда?
Здесь мой дом,
Здесь мать лежит.
А тебе я благодарна
Очень-очень, милый Саша.
Ты когда поедешь в город?
– Без тебя я не поеду.
Здесь останусь. Буду жить.
– Что за глупости болтаешь?

Там работа, там карьера.
Ты природный горожанин.
Как тебе в деревне жить?
– Если ты здесь остаешься,
Значит, я останусь тоже.
И давай на эту тему
Больше говорить не будем.

Глава сорок шестая **НАДЯ. У ФЕДИ**

«Не поддавайся панике, девчонка, не робей.
Конечно, ты всё сделала правильно.
Если сразу согласишься ты,
Подумает он, что ты к нему бросилась от безнадёжности.
И будет потом презирать тебя,
А, может быть, и попрекать этим.
Согласиться сразу в ее положении
Никак нельзя.
А если он смирится с ее отказом,
Это тоже будет неплохо.
Значит, любовь его не так сильна.
Любит ли она его? Скорее нет.
Хотя между любовью и нелюбовью
Столько оттенков!
Так что у нее нет ответа.

Ладно! Поживем – посмотрим.
Я мечтала о жизни богатой.
Прикоснулась я краешком к ней,
Чтобы вновь у корыта разбитого
Оказаться. Да еще и с дитем на руках».
Вдруг, как будто пружина подбросила.
– Мам! Сегодня я поздно вернусь.
Может быть, у подруги ночую.
Ты за Ванечкой уж пригляди.
Вышла мать. Подбоченилась строго,
Посмотрела на дочь.
– Ох, Надежда!
Здесь не город тебе.
Загуляешь,
Сразу будет известно в деревне.
– Не считай меня дурочкой, мама.
Я уже обожглась. Что ж кукушкой
Одинокой теперь доживать?
– Ну, не знаю, какой такой птицей,
Только в грязь не ударься лицом!

Федя смотрит и не верит.
Может, снится ему сон?
Надя на велосипеде
Подъезжает. Он застыл.
– Здравствуй, Федя! Вот решила

Посмотреть, как ты живешь.
Может быть, возьмешь дояркой?

И смеется.

– Я серьезно.

– Надя... это...

Мнется Федя.

– Может, в дом пройдем?

Чайком

Напою тебя я. С медом.

Мед недавно я качал.

– С медом? Что же, я не против.

С медом очень хорошо.

А понравится, так может

Хоть немножко мне продашь?

Федя двери открывает.

– Извини! Бардак. Никак

Просто руки не доходят.

– Да, я вижу: похудел.

Тяжело тебе, наверно?

– Как сказать? С утра до ночи

Всё кручусь. Без выходных.

Устаю, конечно, малость.

Но опять же не представлю,

Как остаться без работы.
Для меня она не в тягость,
Просто радость доставляет.

Кухня – просто загляденье.
Пахнет свежей сосною.
Тут бы шторы да цветочки,
Люстру бы покрасивей.
А хозяин суетится,
Стол готовит и не может
Он поверить. Неужели
Надя в доме у него?
– Помогу давай немного!
Если ты не будешь против.
Всё же женщина готовить
Стол должна, а не мужчина.
Похозяйничать мне можно?
– Ну, не знаю. Ты же гостья.
– Ну, и что?

За стол уселись,
Пьют чаек, не торопясь.
– А других ты тоже только
Чаем, Федя, угощаешь?

Он едва не поперхнулся,

Покраснел, пробормотал:

– Да. Других и не бывает.

Я живу, как рак-отшельник.

Ну, порой друзья заглянут.

Впрочем, редко.

Что здесь делать?

Ну, не знаю даже, Надя,

Предложить никак не смею.

Может быть, поймешь превратно.

– Ты, о чем, я не пойму.

– Ну, вина немного выпить.

По чуть-чуть. Совсем немного.

Не подумай! Я...

– Да хватит!

Доставай свое вино!

Он принес бутылку. Видит

На столе уже бокалы.

– Похозяйничала, Федя.

Ты меня ругать не будешь?

– Что ты! Будь хозяйкой!

– Вот как!

А возьму, да и останусь.

Впрочем, нет. Ребенок дома,

Тот, что в городе нагулян

От женатого мужчины.

Презирать меня ты должен.
От порога, как собаку,
Гнать! А ты вином да чаем.
– Что ты, Надя, говоришь?
Ты зачем сказала это?

По столу ладонью хлопнул.
– Чтобы никогда не слышал
Я такого от тебя!

Надя в миг переменилась.
Молча смотрит, с удивленьем.
А считала его рохлей,
Мягкотелым чудаком.
– Наполняй бокалы, Федя!

Наливает.
– Что же... выпьем
За твои успехи, фермер!
– За себя я пить не буду.
Выпить я хочу за нас.

Громко звякнули бокалы.
Выпили. Смеется Надя:
– А еще мне, кроме кухни,
Что-нибудь покажешь в доме?

– На второй этаж подняться
Не желаете, Надежда?
– С удовольствием! Однако
Я боюсь ужасно, сударь.
Всё же может закружиться
Голова от высоты.
– Не закружится! Ручаюсь!

Подхватил на руки Надю
Без усилий, как пушинку.
На второй этаж понес.

Глава сорок седьмая **ВЕРА. ПОКОНЧИТЬ РАЗОМ**

Жирная луна сидит на небе,
Снисходительно глядит на сонмы звезд.
Шепчутся деревья. Да собачий
Лай порою разрывает тишину.
Вера крутится. Уснуть она не может.
Мысли разные. Толковой ни одной.
«Что же я, дуреха, натворила?
И теперь не знаю, как мне быть.
Как рожать? Ведь засмеют в деревне.
На аборт? Узнают всё равно.
Ох! Все косточки теперь мне перемоют.
Что же я за дура? Не пойму.

Вот приехала. Работы нет в деревне.
Матери в глаза смотреть боюсь.
Хоть она ни в чем не упрекает,
Чувствую, что на ее душе.
Что же делать? Что за наказанье?
Снова в город? Обо всем забыть?
И куда мне в городе податься?
Ни профессии, ни денег, ни угла.
И за что несчастье мне такое?
Где же выход? Нет его совсем.
И чего теперь должна я делать?
У кого совета попросить?
И какого нужно мне совета?
Как ни кинь, везде выходит клин.
Погоди-ка! Выход есть, конечно.
Как я раньше не подумала об этом?»

Улыбнулась Вера в темноте.
Хорошо, когда найдешь решенье.
Взмах меча – и разрубила узел.
И уснула Вера. Проспала
И не слышала, как мама на работу
Уходила. А когда проснулась,
То умылась, лучшее надела.
И к столу записку написать.
Ерунда сплошная! Снова пишет.

Тоже не пойдет. Всё глупо как-то.
Третью написать! Еще глупее.
Лучше обойдется без записки.
Принесла веревку бельевую.
Нет! Неправильно! Зачем поганить дом?
Вот в пристройке, где дрова хранятся,
Лучше места для тебя не сыщешь.
Вышла в дровяник. Поставив флягу,
Забралась, веревку закрепила.
Сделала петлю. «Ну, что же, Вера,
Вот и кончатся сейчас твои мученья.
Человек ты лишний, бесполезный.
Разве можно жить таким на свете?
Несуразность! Тридцать три несчастья!
Дура ты!»
И флягу оттолкнула.
И задергалась. И захрипела Вера.
«Что же я наделала? Не надо!
Помогите, люди!»
И сознание
Потеряла.
Словно кипятком плеснули в мозг.
Поглядела. Мама наклонилась.
Гладит щеки ей и причитает:
– Что ж ты, дочка, делаешь с собой?
Ты чего удумала-то, Вера?

Обо мне подумала ты? Разве
Смерть твою смогла б я пережить?
И как сердце чуяло, как будто
Кто толкнул меня. Ой, чувствую неладное
Что-то страшное сейчас должно случиться.
Может быть, пожар. А, может, хуже.
До работы даже не дошла.
И бегом назад. А в доме пусто.
В дровяник! А ты в петле висишь.
Хорошо, топор валялся рядом.
Что молчишь-то? Ничего не скажешь?
– Что сказать? Беременна я, мама.
– Как беременна? Из дома не выходишь.
– Получается, что ветром нанесло.
– От кого?
– От Васьки.
– Как от Васьки?
Васька-то уволился. И вроде
По контракту он завербовался.
Завтра провожают. Уезжает.

Глава сорок восьмая **ЛЮБА. В ЛЕСУ**

Разноцветные грибы
Собирает Саша.
Не прошло и полчаса,

Полное ведро.

До того собой он горд!

– Люба! Где ты бродишь?

– Здесь!

На голос он идет.

Вот сюрприз-то будет.

А в ведерке у нее

Нет и половины.

Снова город впереди,

Обогнал деревню.

– А гляди-ка у меня!

И собой довольный.

Перед нею ставит он

Полное ведерко.

– Вот как надо собирать!

Поделиться опытом?

– Да! Грибник неважный ты.

Только без обиды!

Люба, глянув на ведро,

Засмеялась весело.

– Да! Великий ты грибник.

Ничего не скажешь!

Надувает щеки он,

Хмурится.

– Завидно?

Ладно, помогу набрать

И тебе ведерко.

– Да. Помощник из тебя,

Вижу я, завидный.

– Я чего-то не пойму.

Объяснись, пожалуйста!

Люба из ведра берет

Гриб большой красивый,

С красной шляпою, похож

На сарафан в горошек.

– Называют красоту

Эту мухомором.

Чтобы в доме мух травить

Подойдет, конечно.

А вот это, грибовед,

Бледная поганка.

Если надоело жить,

Кушай на здоровье.

И опята даже есть.

Ложные опята.

Так что прочь их из ведра.

Смотрим, что там дальше.

Это ядовитый гриб,

Это несъедобный.
Подберезовик. Смотри!
Он же весь червивый.

Смотрит, Саша, на ведро.
Быстро опустело.
Почесал затылок он.
– Целая наука.

Да ему с любым станком
Разобраться проще.
Но зато в лесных делах
Полный он невежа.
– Не расстраивайся так!

И внезапно Сашу
Люба крепко обняла
И целует в губы.
– Ты хороший. Лучше всех.
Для меня как солнце.
Саша! Я тебя люблю
Очень-очень-очень!

Закружилась голова.
Нет его счастливей.
Он целует как безумный,

О любви ей шепчет.
И свершилось в первый раз
С ними.
– Саша! Милый!
По щеке твоей ползет
Муравей.

А Саша
Взгляд не может оторвать
От лица любимой.
Гладит нежно щеки ей.
Как она прекрасна!

Глава сорок девятая **НАДЯ. У РЕКИ**

Рыба в ласковых заводях плещется.
Хорошо-то как! Федя обнял.
Вот оно его счастье! Любимая!
Даже трудно поверить в такое.
Тучки в красное солнцем окрасились.
И река как вулканная лава.
И стрекочут кузнечики-рэперы.
Получается классно у них.
– Мне пора!

Шевельнулась Надежда.

– Оставайся!

– Нельзя мне.

Ребенок.

– Ну, давай отвезу!

– Это лишнее.

Здесь езды-то всего на пол часика.

– А мое предложение в силе?

– А куда же теперь мне деваться?

– Так давай же смотаемся завтра,

Чтобы в загс заявленье подать!

– Нет! Давай уж тогда послезавтра.

Надо маму бы мне подготовить.

А не то словно обухом бухнем.

– Это так, – соглашается он.

– Но давай всё же до переезда

Довезу я тебя!

– Ты упрямый.

– Это плохо?

– По-разному, Федя.

Где-то плохо. А где-то неплохо.

В это время с другой стороны

Показались коровы. Напиться

Их до речки пастух подогнал.

Как напьются, в деревню погонит.

Конь, большими губами припав,

Тянет воду, хвостом отгоняя
Паутов. Худощавый пастух
Помахал им:
– Привет, молодежь!

Глава пятидесятая

ВЕРА. ВИТЯ УЕЗЖАЕТ

Ну, зачем мы врагам сдались на милость?
Им только дай почувствовать слабину,
Сразу хватают, гогочут и тянут.
Еще пропала одна душа.
Несчастья нам посланы проверить на крепость,
Насколько наша вера сильна.

Под ветром гнутся живые ветки,
Сухие же ломаются и падают на землю.
Не красной ковровой дорожкой
Выстлан жизненный путь.
Это лесная тропа
С рытвинами и лужами.

Гуляет Вася с дружкойми
Последний нонешний денечек,
Пьет стаканами и не хмелеет.
Только злая веселость в душе растет.
«Или морду набить кому-нибудь?»

Смотри на дружков дерзким взглядом.
«Или пойти утопиться? Гори оно всё огнем!»
Столько лет ни капли не брал,
А сегодня с тормозов сорвался.
Мир для него как бочка, в которой он заточен.
Поднялся Витя, желваки играют.
– В морду кому дать?

Смотрят дружки испуганно.
Крышу сорвало у Витьки.
– Что затихли? Бойтесь?
Да хоть всей толпой выходите!

Рванул на груди рубаху.
– Но пазаран, паразиты!
– Вася! Что это такое?

Слышит он голос сзади.
Он повернулся, а рядом
Стоит тетя Валя и плачет
– Чего это вы, тетя Валя?
Зачем это вы сюда?
– Пойдем, Виктор, в сторонку!
Есть разговор к тебе.

Она ему всё рассказала.

И хмель, словно ветром сдуло.
– Позвольте схожу за рубахой?
Можно мне к вам прийти?

Лежит на кровати Вера
С бледным застывшим лицом.
Покойник бывает краше.
Жутко даже смотреть.
– Вера! Я всё рассказала
Ему. Не сердись уж, дочка!
Но так, как ты поступила,
Такого нельзя никак.
Вера не шелохнулась.
Глядит в потолок неподвижно,
Будто она не слышит,
Что говорит ей мать.
Виктор заходит робко,
Долго стоит на пороге.
Мать незаметно вышла.
Он тяжело шагнул.
– Вера!

Она молчала.
– Прости меня идиота!
Я же тупой как валенок.
Я виноват во всем.

– Зачем ты пришел? Не надо!

Витя шагнул к кровати.

Вздыхнул. И встал на колени.

– Я не уйду отсюда!

Буду стоять так сутки,

Неделю, целую вечность,

Пока ты не согласишься,

Что станешь моей женой.

И тишина. Лишь слышно,

Как шелестят часы,

Как кот лениво зевает

На кресле – любимом месте.

Вера к окну повернулась.

А за окном воробушек,

Маленький, любопытный,

Глядит на них черной бусинкой.

– Да поднимись ты, Витя!

– Нет! – отвечает твердо.

– Зачем я тебе такая?

Другую себе найди!

– Мне не нужна другая.

Мне никого не надо,

Кроме тебя. Разве

Это трудно понять?

– Какой ты, однако, Витя!

Можно?

И руку тянет.

Волосы перебирает.

Витя, как кот, урчит.

Глава пятьдесят первая

ЛЮБА. РЕШИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Мирно в озере плавают уточки.

А кого им бояться сейчас?

Нет охотников с грозными ружьями,

Чтоб их плоть разорвать на лету.

Обнимает он Любу за плечи,

Дышит в нежное ушко и шепчет:

– Никогда, сколько жил я на свете,

Не бывал я счастливым таким.

Словно был механизм я бездушный,

И как будто я спал до сих пор.

Но застыла она, и ни слова

Не сказала на это ему.

– Люба! Любочка! Что-то случилось?

Может, чем-то обидел тебя?

Почему ты молчишь, моя милая?

Ну, прошу, хоть словечко скажи!

Поглядела в глаза. Столько жалости
Прочитал он во взгляде ее.
И с плеча убрала его руку.
– Саша! Надо об этом забыть.
Нет работы в селе для тебя.
Кем ты будешь здесь? Скотником? Или,
Может быть, в трактористы пойдешь?
Над тобой же все будут смеяться,
Как над клоуном в цирке. В тебе
Ничего деревенского нет.
Ты же, Саша, насквозь городской.
Там тебя ожидает карьера.
Ты же там, словно рыба в воде.
Это путь твой, призванье твое.
А сейчас говорит в тебе чувство.
Только чувство пройдет, и тогда
Попрекать меня будешь ты, Саша,
Не в открытую пусть, но в душе.
Что случилось, забудем про это.
И сама я не знаю, зачем.
Но женою твоей я не буду.
Умоляю тебя, уезжай.

Словно камнем по темечку стукнули.
Ничего он не может понять.

Только губы его задрожали.
Еле держится, чтоб не заплакать.
– Ты прости меня, Саша. Я глупая.
Вижу я, что тебе тяжело.
Эту боль я тебе причинила.
Уезжай и забудь обо всем.
– Люба! Милая! Что же случилось?
Намекни мне хотя бы чуть-чуть.
Не уеду, пока не узнаю.
Что за тайна, хочу я понять.

Как сказать ему, Люба не знает.
Он же весь городской, он не наш.
Пропадет он в деревне, не сможет
Деревенским он стать никогда.
– Да пойми же ты, Саша! В деревне
Ты не сможешь прижиться никак.

Тяжело он вздохнул и ответил:
– Значит, вон в чем загадка была.
Что нам в город мешает уехать?
И Сережу возьмем мы с собой.
– Нет, я в город теперь не поеду.
Пожила. И назад не хочу.
Деревенская я. Что поделаться?
За Сережу я тоже боюсь.

– Значит, сделаем так!

Он поднялся.

– Ты не едешь. И я остаюсь.

И решать за меня ты не будешь.

Ты пока, знаешь, мне не жена.

Глава пятьдесят вторая

НАДЯ

Рассказ Феди

По тайге ходил я с годик

В роли мула. Груз носил.

Ни машина и ни лошадь

В тех местах пройти не могут.

Мужики – народ ученый.

По лесному делу асы.

Измеряют, вычисляют,

Пишут разные бумаги.

Академики и только!

За сезон узнал так много,

Больше, чем узнал я в школе.

Не швец, не жнец,

Не в дуду игрец.

— Я не люблю его!

Несуразный я какой-то.
Надо мною, помнишь,
Смеялись в школе,
Потому что я был
Не как все.
Меня били,
Не смел я сдачи дать.
Ругали, я молчал,
Понутив голову.
Обзывали,
Я ударялся в слезы.
Даже мама звала меня

Недотепой.

Глава пятьдесят третья **ВЕРА. РАССКАЗ МАТЕРИ**

«Хотя его мне почему-то жалко.
Страдает он. А как меня он любит!
Не знаю я, что делать. Кто-нибудь
Мне подскажите.
Что должна я делать».

И не сдержавшись,
Зарыдала Вера.

Тут мать вернулась.

– Ты чего такая?

– Да всё нормально, мама!

Не волнуйся.

– Я вижу, что глаза на мокром месте.

Опять?

– Мне Витя сделал предложение.

Присела мать.

– Как? Витя? Предложение? Ох ты!

– В любви признался

И жениться хочет.

– А ты?

– Сказала «нет».

Зачем ему такая?

– Какая ты такая?

– Ты не знаешь?

– Да, Господи!

Забывать давно пора!

– Чтоб он годами попрекал меня?

– Коль любит, попрекать тебя не будет.

В этой жизни все мы пленники. Чтобы

Наша жизнь не превратилась в тюрьму,

Мы должны прощать друг друга. Иначе

Нам не выбраться из ямы на свет.

Ты была еще малышкой. Твой папа

С ветврачихою любовь закрутил.

Повезет ее на дойку. И в кущи.

И закусочка, и водка у них.

Мне в открытую почти говорили,

Но поверить я никак не могла.

Он такой открытый и честный,

И обманывать не станет меня.

Но сомнение запало. И стала

Я внимательно за ним наблюдать.

Возвращается он поздно с работы,

А порой явиться за полночь мог.

И частенько с запашком. На работе

Очень редко он вообще выпивал.

А когда садился он пообедать,

То чему-то улыбаться начнет.

А однажды на рубашке светлый волос
Я нашла. У ветврачихи такой.
Ну, а главное ко мне равнодушен.
Вижу, я ему совсем не нужна.
Ну, и как-то мы повздорили чего-то.
Не сдержалась, наорала на него.
Ну, и высказала всё. Усмехнулся.
«Доложили всё товарки тебе.
Ну, и что же здесь такого? Между прочим,
Я мужик и это дело люблю.
Ты во всем одна виновата.
Не умеешь ты себя подавать.
Одеваешься в старьё, как чумичка,
Про косметику забыла совсем.
Ну, и это... ты лежишь, словно плаха.
Только что еще не храпишь».
Разревелась я тогда, даже сердце
Защемило. Хоть в петлю полезай!
«Уходи-ка ты к своей суке!
Чтобы больше мы не видели тебя!»
Усмехается: «Смотри! Напугала!
Я и сам давно подумывал уйти».
Одежонку я его собираю.
Молча сумку подхватил и ушел.
– Что-то раньше, мама, об этом
Не рассказывала ты никогда.

– Ну, а чем тут, дочка, хвалиться?
Нечем. Только это не всё.
Ну, наплакалась, конечно. Нарыдалась.
Только некогда особо рыдать.
О тебе заботиться надо.
И хозяйство, и работа еще.
В общем, боль моя поутихла.
А увидимся, молча пройдем.
Он и денег не давал ни копейки.
Всё никак на алименты не решалась.
Ну, и как-то раз на гулянке
Агроном положил глаз на меня.
А гуляли мы у подруги.
Собираюсь я домой. Следом он.
Говорит мне: «Вон стоит мой уазик.
Всё же ночь. Давай подвезу!»
Ну, подвез. И снова за мною.
Не хотела я пускать. Только он,

ПОДЪЕХАЛ НА ГУЛЯНКЕ

Словно танк. Сгребает и тащит.
Так уж вышло против воли моей.
– А потом?
– Ну, как-то явился вечерком
Он дня через два.
Снова лезет. Кочергу я схватила.
Матом выругался он и ушел.
А примерно через полгода
Папа твой вернулся назад.
Всё сидит на кухне, вздыхает
И бормочет: «Ты прости уж меня!»

Снова стали жить.

Он какой-то стал другой.

Глава пятьдесят четвертая СВАДЬБЫ. СРАЗУ ТРИ

Называют тебя золотою.

Хоть банально. Но есть в том резон.

Потому что пора наступила,

Чтоб заполнить свои закрома.

В погреба засыпают картошку.

А на полках пузатые банки:

Помидоры с кровавою плотью,

Огурцы, как подводные лодки,

В мутных водах рассола плывут.

Шапку набекрень.

Галстук сбился набок.

Эх! Гуляй, деревня!

Песни пой! Пляши!

Не одну же свадьбу,

Целых три играют!

Все столы собрали,

Лавки все снесли.

Пьют вино и пиво.

Водкой, самогонкой

Балуются тоже.

Тут родни в деревне,

Считай, что полдеревни.
Как-никак три свадьбы!
Это ни одна!
Ой! Смотрите! Кто там
Шагает с остановки?
Не определишь.
Да не наш он вроде.
Значит, прибыл в гости.
А к кому он прибыл
Разобраться надо.
Пригляделась Люба,
Саша присмотрелся.
Это же Степаныч,
Мастер дорогой!
Бросились навстречу.
Люба приподняла
Платье и несется,
Попробуй догони!
Кинулась на шею,
Как к отцу родному.
Плачет и целует
Люба старика.
Вот никак не ждала
Гостя дорогого.
– Как же вы решили?
Как же нас нашли?

– А чего решаться? –

Отвечал Степаныч.

– Вы мне как родные.

Прикипел к вам сердцем.

Я вдовец, ребята.

Дочь моя далеко.

За морями, океаном

В Америке живет.

А как вы уехали

Загрустил я что-то.

Не идет работа,

Всё валится из рук.

Мялся-колебался.

Нет! Решил поеду.

Повидаюсь, может,

Легче станет мне.

А в сторонке слушал

Их директор ЗАО.

Слушал. И конечно,

Всё мотал на ус.

А потом подходит,

Тянет к нему руку.

– Вижу вы рабочий,

Крепкий человек.

Три подружки в подвенечных
Длинных платьях за столом.
Сразу три играют свадьбы.
Вся деревня собралась.
Хвалят жениха Надежды.
Из соседней он деревни.
– Вот хозяин! Работяги!
Три коровы, пять свиней.
Заживете с ним богато.
И машина – иномарка.
Дом красивый и просторный.
И не курит. И не пьет.

Надя с ним училась в школе.
Хоть он не был хорошистом,
Но старался, был прилежным.
Слова грубого не скажет.
Федя – вовсе не красавец.
Но ведь главное не это.
Главное – любил Надежду
Он еще со школьных лет.
Или Наде его жалко,
Или был он ей по нраву.
Души женские – потемки.
Разберись, попробуй, в них!

Листаю альбом незапамятных лет.
Какие красивые лица!
Нам в жизни незаметно открывались
Иные горизонты. Может, там
Нас ожидала жизнь совсем иная.
Но нас пугали неизвестные пути.
Как бросить всё знакомое, родное,
К чему душой и телом прикипел,
Где каждой вещи место есть своё,
Где всё найдешь с закрытыми глазами?
Нет! Неизвестность нас пугает. Перед ней
Испытываем мы животный страх.
Нам монстры видятся, костлявая с косою,
За каждым поворотом лютый враг.
Поэтому колумбов очень мало.
Кортес найти не может добровольцев,
С которыми в неведомые страны
За золотом отправился бы он.
Не потому ли множество несчастных
Нас окружает. Счастье под ногами
Обычно не валяется, как мусор.
А может притаиться где угодно.
И даже ищущий порой проходит мимо,
И ничего в душе не шевельнется.
А многие его по интернету
Пытаются найти.

И сайт знакомств
Поводырем им видится надежным.
Но только нет абстрактных человек.
Есть Маша, Петя, Витя, Александр.
Конкретные в единственном числе,
А не вообще блондины иль брюнеты.
Высокий, стройный, без привычек вредных,
Имеющий квартиру и машину...
Ха-ха! Да это же карикатура,
Чертеж, но не художника картина.
Конечно, можно полюбить чертеж
Рассудочно. Но это не любовь.
И близко там не ночевало чувство.
И по параметрам найденный идеал
В реальности чудовищем предстанет.
А что ж роптать? Ведь вы искали схему,
А вам живой достался человек,
Он уникальный и неповторимый,
Что существует лишь в единственном числе.
Нет большей глупости искать универсальность,
Поскольку нет ее. Она лишь плод ума,
Проект, а не живое существо.
Пылаете любовью к идеалу?
Так флаг вам в руки!
Было бы неплохо,
Когда б вы понимали: идеал –

Лишь тень идеи, фантик он без плоти.
Любить идею можно. Но Христос
Нам завещал любить конкретных Маш,
Геннадиев, Володей, Вероник.
И это настоящая любовь,
Которая завещана Творцом,
Которую он в странствиях своих
По городам и весям расточал.

Глава пятьдесят пятая **ЛЮБА. ЛЕТИТ ШАГАЛ**

Летит Шагал с женой в обнимку.
Под небосводом дом родной
Игрушкой видится отсюда,
А люди словно мураши.
– Могу картиной любоваться
Часами, – Саша говорит.
– Как будто в мир другой чудесный
Попал, где ты живешь на небе,
Избавившись от суеты
И дрызг, и грязных пересудов.
Да, наша жизнь имеет цель.
Быть может, мы ее не знаем.
Предназначение своё

Порою мы находим там,
Где обитать оно не может.
Уверен я, что взгляд с небес
Дает нам верную картину.
Не видим грязи, шелухи
И черных луж, и мелких козней.
– Да ты философ, милый мой, -
Сказала Люба, улыбаясь.
– Ты не похож на остальных,
Живешь в другом каком-то мире.
А кстати, как твоя работа?
Смеются над тобой, наверно?
Конечно, кличкой наградили
Какой-нибудь. Ну, вроде Прыщ
Или Фитюлька Городская.
У нас такие острословы!
Любого высмеют они.
И не со зла, а по привычке,
Считая это остроумным.
А хочешь, так спроси Надежду.
Она тебе расскажет много,
О чем доярки говорят,
Как косточки перемывают,
Украшив речь отборным матом.
Когда б ты побывал на дойке,
Отсохли б уши у тебя

И взгляд на жизнь переменялся.
Тогда б забыл ты о Шагале
И не цитировал поэтов.
– Не думаю. Я это знаю.
Ведь не в оранжевых очках
Родился я. И до сих пор
Я через них гляжу на мир?
Нисколько их не осуждаю.
Ведь осуждать довольно просто
И очень глупо наконец.
Стремиться нужно понимать,
Искать причины, и тогда
И самый неприятный тип
В другом уже предстанет свете.
Нет! Человек не черно-белый.
Он разноцветный, весь в нюансах
И в переливах-переходах.
О кличке ничего не знаю.
Быть может, есть, но я не слышал.
А и услышу, не обижусь.
Пускай острят, пускай смеются.
Но мужики – не дураки.
О человеке по делам,
По качествам душевным судят.
Не думаю, что дал им повод
За что-то осуждать меня.

Конечно, трудно поначалу
Пришлось. В станках я разбираюсь.
А с этой техникой ни разу
Столкнуться мне не доводилось.
Расспрашивал, читал, конечно.
Особой сложности здесь нет.
Теперь могу регулировки
Сам проводить. И дать совет
Не только молодым. Всё чаще
Ко мне механики подходят
И просят в чем-нибудь помочь.
– Я знаю.

Люба улыбнулась.
– Тебя директор очень хвалит.
Твердит про золотые руки,
Что у тебя не голова,
А клад идей.
– Да, ладно, Люба.
Зачем меня вгоняешь в краску?
– А мужики тебя как хвалят!
– Ну, хватит, Люба!
Всё! Довольно!
– Как скажешь, Саша... Не об этом
Поговорить с тобой хотела.
– О чем же?

– Дело в том, любимый.
Что я беременна. Вот так!
Не знаю, как ты отнесешься,
Однако, к новости такой.
– Как отнесусь? – воскликнул Саша.
– А так и отнесусь!

На руки
Он Любу подхватил и жарко
Стал целовать ее лицо.
– Ты сумасшедший! Успокойся! –
Она кричит.
– Поставь на место,
Где взял меня!
– Нет! Не поставлю!
Всю жизнь тебя носить я буду.
А хочешь прямо вот сейчас
Пойду с тобой до края света?
– Ну, нет! До края мне не надо.
И здесь мне хорошо с тобой.
– Ах, Люба! Если бы ты знала,
Как счастлив я!
– Да знаю! Знаю!

ЭПИЛОГ

Три девчонки на скамейке

Шелуху плюют под ноги
И щебечут, словно птички,
Обо всем, не умолкая.
Всё им в мире интересно,
Кроме Путина и Трампа,
Начиная с местной жизни
И кончая «звездной» пылью,
Что забили все каналы,
Все гламурные журналы,
Что себя считают солью,
Человечества вершиной.
Ну, а все другие люди
Существуют лишь для них,
Чтобы ими восторгались,
Чтоб о них лишь говорили,
И смотрели в Инстаграме
Фотосессии о них...
И конечно, деревенских
Новостей всегда немало,
Так что им без перерыва
Можно сутки говорить.
У любого разговора
Всё же главная есть тема,
И о чем ни говорили,
Возвращались снова к ней.
Для девчонок, как обычно,

О любви такая тема.
Нет важнее этой темы
И не будет никогда.
Им любви огромной надо,
Беспредельной, словно небо,
День и ночь о ней мечтают
И во сне ее зовут.
И вздохнув, сказала Надя:
– Если б я была царица,
Я б себе нашла такого,
Чтоб он был богаче всех.
Яхты, замки, самолеты,
Чудный остров в океане,
Бриллианты, изумруды,
Платья классных модельеров.
Ничего не может лучше,
Чем огромное богатство.
И желание любое
Исполняется тогда.

А потом сказала Вера:
– Я хотела бы, девчонки,
Чтобы муж был знаменитый,
Популярный очень был,
Чтобы был он всем известен,
Все его бы узнавали

И на всех телеэкранах
Во всех странах он мелькал.
И его большая слава
На меня б тогда пролилась.
И за мною папарацци,
Как за ним, гонялись тоже.

А потом они взглянули
На свою подругу Любу.
– Ты чего молчишь, Любаша?
Не мечтаешь ни о чем?
– Без мечты, – сказала Люба,
– Человек никак не может.
Если он мечтать не станет,
Жизнь закончится его.
Нет, не нужен мне богатый
И не нужен знаменитый.
Пусть он беден, неизвестен,
Лишь бы он любил меня,
Чтобы я его любила,
Чтоб о нем болело сердце,
Чтобы каждую минуту
Я бы думала о нем.

Тут, откуда непонятно,
Старичок возник какой-то

Незнакомый, улыбнулся
И отвесил им поклон.
– Вы меня уж извините,
В разговор я ваш вмешался.
Я его, признаюсь, слушал.
И хочу я вам сказать.
Значит, то, о чем мечтали,
Всё исполнится, девчонки.
Я волшебник. Ну, посмейтесь!
Только вспомните меня.
Я брожу по белу свету,
Исполняю я желанья
И мечты я воплощаю.
Вот такой я добродей.

Надя с Верою хохочут.
Старичок какой забавный!
Видно, хлопнул он чекушку
И несет такую чушь.
Только Люба не смеется,
Тормошат ее подружки.
– Ты чего грустишь, подруга?
Старичок такой смешной!

Огляделись. Что такое?
Он же здесь стоял на месте.

Как сквозь землю провалился.
И когда уйти успел?
Снова грустные коровы
Возвращаются домой,
Вымя полное налили
Благодатным молоком.
Пастырь Коля-матершинник
Не гарцует, измотался,
Но девчонок он увидел,
Спину выпрямил. Орел!
Сердобольные хозяйки
Ждут безропотных кормилец.
Ворота им открывают.
Проходите, господа!

Визгливый оркестрик группы «Пуля»
На маленькой сцене кривляется.
Сегодня суббота. В сельском клубе,
Как повелось, дискотека.
Поют – это громко сказано! –
Попсу, что с инета скачали.
Бьют по дешевым гитарам,
Словно по наковальне.
Ударник по барабанам
Стучит, никого не слушая.
Главное – он уверен –

Стучать надо чаще и громче.
Приходят с пятого класса
И даже два третьеклассника.
А самый старший Серега,
Ему уже двадцать пять.
Еще из соседней деревни
Приедут на мотоциклах.
Считай всю неделю ждали
Очередной дискотеки.
Стоят на крыльце, что постарше.
Курят. Бутылку по кругу,
Что куплена ими на хате
Пускают. И громко смеются.
А говорят, через слово
Мат запуская, иначе
Будешь выглядеть лохом,
А не крутым пацаном.
Из клуба выходит Вера,
Обиделась Вера на Надю.
Танцует весь вечер с Денисом,
Как будто не знает она,
Что Вере он нравится очень.
Подругой еще называется.
Такую подлянку Вера
От Нади не ожидала.
И только с крыльца спустилась,

Догнал ее Игорьь.

– Верунчик!

Никак ты домой собралась?

Можно тебя проводить?

Музыка на дне твоей шкатулки.

Ей так нравится безумно танцевать,

Чтоб смотрели парни восхищенно

На ее точенную фигурку,

Чтобы ей они цветы дарили,

Говорили нежные слова,

Чтоб ее до дома провожали,

На прощание поцеловав.

Нет! Конечно, не из этих деревенских

Суженного выберет себе.

С ними только так поцеловаться,

Главное ж достанется Ему

Принцу, что приедет на мустанге

Белом или черном шевроле.

И ее подхватит он на руки

И, целуя, в сказку унесет.

Всё же всё равно обидно очень.

Знала же: ей нравится Денис.

Ну, не так, чтобы в него влюбиться,

А гулять, целуясь иногда.

Большого, конечно, не позволит.

Но так хочется, чтоб он ее любил,

Чтобы, как молитву, ее имя

Он шептал, писал о ней стихи.

Всё же Надька вредная ужасно.

Ладно! Прибежит еще и будет

Перед ней заискивать она.

– Верка! Ты чего? Оглохла что ли.

Игорь догоняет.

– Провожу!

Ты домой?

– Куда ж еще?

Конечно.

– А чего ты рано так ушла?

– Надоело и ушла.

– Понятно.

Вот дошли до улицы ее.

А живет почти в последнем доме.

Два лишь фонаря горят. Пустынно.

Ни души. Собаки только лают.

– Можно я возьму тебя под руку?

– Женщины берут мужчин под руку

– А! тогда...

За талию обнял.

– Ты чего?

– Я ничего.

А что?

Встал он перед ней.

К себе прижал.

– Отпусти!

– Не отпущу!

Целует.

А рука его уже ныряет

Ей под блузку.

Грудь ее он жмет.

Водкой от него несет. И Вера

Упирается, толкает, что есть сил.

– Закричу! А ну-ка перестань!

Я всё это знал. Я всё это видел.

В деревне не спрячешься. Как на ладони.

Любую покупку увидят, обсудят.

Здесь всё, как в семье. Каждый шаг твой известен.

Кому-то не нравится эта открытость,

Что каждому ты интересен, и могут

Часами персону твою обсуждать,

Как будто ты очень известная личность.

А если ты замкнутый и нелюдимый?

Хотя и порока здесь нет никакого.

Еще интровертами их называют.
Да мало характер какой у людей!
Но это же... это лишь ширма.
А главное, что он в душе своей носит.
Добро ли в душе у него торжествует
Иль дьяволу душу продал он давно.
Одни этих девушек строго осудят.
Такие – сякие! Да разве так можно?
Да их справедливо судьба наказала!
И можно сильнее еще наказать.
На каждый роток не накинешь платок.
И пусть говорят. А иначе не могут
Подобные люди. Ведь только плохое
Способны они говорить про других.
Но только себе они делают хуже.
И злые слова, что они извергают,
Назад возвращаются к ним бумерангом.
Извечно стремление каждого к счастью...

Пустынная улица. И лишь в ее начале
Две крохотных фигурки.
Никак нельзя на этом расстоянье
Их разобрать.
Хоть улица зовется Молодежной,
Полно здесь вдов и старых пар семейных.
Вот парадокс: здесь больше всех в деревне

Вдов проживает. И понять причину
Явления такого не могу.
До пенсии мужчины не дожили.
Так Педченко ушел, и Кожемякин, и Новиков.
А у моей соседки муж
Был пьяный и упал на штырь комбайна
И был насквозь проколот тем штырем.
А средний сын ее разбился насмерть.
Катаясь с пьяными друзьями на машине.
А младшего убили в пьяной драке.
Она нашла в Зубково старика.
Пожили года два. Старик скончался...
И Надя Евдокимова – вдова.
Капустина. Ей сорок с небольшим.
Когда так дальше будет продолжаться,
Назвать придется улицу Вдов.
Надежда лишь на семьи молодых,
На то, что в город не сбегут девчонки,
А парни привезут сюда невест.
И прикипят они душой и телом
К своей работе и к родным местам,
Не станут грезить жизнью городской,
Где всё, мол, так прекрасно, расчудесно
И заработать можно столько денег,
Что ты не сможешь даже их потратить,
Когда не будут нюнить, всё ругать,

Что, мол, всё плохо в жизни деревенской,
Что здесь лишь неудачники живут
Да алкаши, да всякие уроды,
Не приспособленные к жизни городской.
А если будет жизнь иной в деревне?
Она уже становится иной.
Попробуй городского отличить
От деревенского. Задача не из легких.
Одет не хуже, так же говорит.
Смартфон крутой. Машины через двор.

Он каждый день, как книгу, открывает,
Которую читает с интересом
И от которой он не может оторваться.
Не понимает, что такое скука.
Как может человек скучать,
Когда вокруг так много дел.
Хоть сутки будь длиннее в два–три раза,
И половину дел ты не успеешь переделать.
Всё требует вниманья, напряженья.
И всюду руки надо приложить,
Раскинуть мыслями, придумать варианты
И средства изыскать, и сделать от и до.
Уж так устроен он, везде он видит поле
Для приложенья рук. Ничто его не может
Заставить равнодушным быть.

Он на работе крутится как белка.
Домой придет, а тут работы столько –
Из рук не выпускает инструмент.
Порою Люба возмутится:
– Хватит!
Да посиди немного! Отдохни!
Посмотрим телевизор!
– Телевизор?
А что смотреть там,
Я не понимаю.

И снова с молотком или ножовкой.
И пять минут на месте не сидит.
Он любит жизнь, людей и всё вокруг.

Обмакнуть кусочек хлеба
Аккуратно с банку с медом.
Ты хотела сладкой жизни?
Вот она перед тобой.
Человеку много надо.
Чтобы дом был, чтоб любимый
Человек жил в этом доме,
Чтоб ребенок не болел,
Чтоб проснуться утром рано
И в окно увидеть солнце,
И услышать птичье пенье.

Вот и новый день пришел!
Мы грядущего не знаем.
И зачем нам это знание?